

Елена Арсеньева

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

68

Верни мое имя!

Сын тумана

Дверь для призраков

Большая книга ужасов

Елена Арсеньева

**Большая книга
ужасов – 68 (сборник)**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Большая книга ужасов – 68 (сборник) / Е. А. Арсеньева —
«Эксмо», 2016 — (Большая книга ужасов)

ISBN 978-5-699-89135-1

«Верни мое имя!» В один миг Васька Тимофеев лишился собственного имени, голоса, тела... и очутился в чужом. А тот, кто занял его место, выглядит теперь точно как он. Чужак живет его жизнью, и мама с папой считают: их сын по-прежнему с ними. Только вот ведет себя странно... Между тем ведьма, мстящая Тимофеевым за давние обиды, твердо решила известить всю семью. И подосланный оборотень – ее верный слуга. Что делать, как спасти родителей и себя, если ты перестал быть человеком?! «Сын тумана» Маленький город со смешным названием Городишко расположился на берегу Волги, неподалеку от Нижнего Новгорода. Летом здесь часто бывают туманы. Зимой – стоят лютые морозы. И в любое время происходят странные, необъяснимые, страшные вещи... Зачем же Валерка возвращается в Городишко?! Год назад он чуть не погиб здесь. И встретил девчонку, в которую влюбился без памяти и надежды. Что ждет его теперь в этом странном месте, где зло вновь просыпается... и выходит на охоту за теми, кто однажды его уже победил? «Дверь для призраков» Роза стояла и смотрела на дом. Почему же раньше она не замечала эту смешную развалюху, словно собранную из кусков разных зданий? И почему именно сюда каждый день приходит самый красивый парень на свете? Роза пока с ним не знакома, но когда-нибудь это обязательно случится. Он поднимет глаза – и увидит девушку с копной каштановых кудряшек, наблюдающую за ним с другой стороны улицы... Но прежде, чем на Розу обратил внимание прекрасный незнакомец, ее заметил кое-кто другой. Кто-то, совсем непохожий на человека. Кто-то, давно страдающий от скуки. Он решил поиграть с глупой девочкой...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89135-1

© Арсеньева Е. А., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Верни мое имя!	7
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Арсеньева

Большая книга ужасов 68

Верни мое имя!

Все началось с того, что Васькин отец, Петр Васильевич Тимофеев, получил наследство от своей троюродной прабабки.

Звали ее Марфой Ибрагимовной Угрюмовой. Она одиноко обитала в деревне Змеюкино Шаманихинского района. Дом, в котором Марфа Ибрагимовна прожила свою долгую жизнь, и достался Тимофееву.

Обо всем этом он узнал из письма, которое прислала какая-то В. У. Угрюмова. Очевидно, родственница Марфы Ибрагимовны.

– Вот тебе раз! – воскликнул Тимофеев-старший. – Дом в наследство! Удивительно! Я и не знал, что моя троюродная прабабка жива!

– Ну, может, она с остальной родней перессорилась, поэтому и держалась от всех подальше, – предположила его жена, то есть Васькина мама Вера Сергеевна.

– Я об этой прабабке вообще никогда слыхом не слыхал! – продолжал удивляться Тимофеев. – Тем паче видеть ее не видел!

– Ну зато теперь увидел, – усмехнулась его жена. – Отчасти, так сказать.

Вместе с письмом Тимофеев получил бандероль с портретом троюродной прабабки: свернутым в трубку холстом без рамы.

К сожалению, полотно от времени почти сплошь покрылось трещинами. С трудом удалось рассмотреть черты очень старой, но еще красивой женщины с гладко причесанными седыми волосами.

Но самое странное, что портрет оказался аккуратно разрезан посередине. Тимофеевым досталась только правая его половина.

– Интересно, дом тоже надвое разделен? – растерянно сказала Васькина мама. – Левую половинку портрета другому наследнику отправили?

Тимофеев-старший покачал головой:

– В письме сказано, что мне принадлежит весь дом. А может, вторая половина портрета там и осталась? А нам только одну прислали, чтобы подогреть, так сказать, интерес к наследству?

– С ума сойти, как интересно! – хмыкнула Васькина мама. – У меня вообще нет никакого желания в это самое Змеюкино тащиться! Одно только название чего стоит! Змеюкино, Гадюкино... И в деревне Змеюкино тоже дожди? Бр-р! Нет, не хочу туда!

– А почему бы не съездить? – нерешительно спросил Васькин отец. – Мы ведь подумывали о том, чтобы домик в деревне купить, а тут он как бы сам в руки идет. И наверняка там есть какой-нибудь приусадебный участок, а может быть, даже и сад...

– Если судить по сохранности портрета, это окажется развалюха какая-нибудь с протекающей крышей, – безнадежно вздохнула Вера Сергеевна. – Да еще у черта на куличках! Ты хоть знаешь, где это Змеюкино находится?

– Навигатор нам в помощь, – бодро отозвался Тимофеев-старший. – Так что готовьтесь, ребята: в субботу отправимся в родовое, не побоюсь этого слова, поместье. Васька, ты что скажешь? – обернулся он к сыну.

Васька пожал плечами. А что он мог сказать?

В книжках и фильмах наследство – это дворец, или огромные деньги, на которые можно такой дворец купить, а заодно съездить в кругосветное путешествие... или, к примеру, какой-нибудь волшебный перстень, благодаря которому ты становишься властелином Вселенной! Правда, случается иногда, что ты заодно огребаешь кучу неприятностей в виде проклятий, которые влачатся за тобой из глубины веков и норовят прикончить.

Но все равно – это круто! А деревенский домишко... и этот облупившийся портрет...

Ерунда, а не наследство!

Будь Васькина воля, он бы портрет немедленно выкинул на помойку, а про домик в деревне Гадюкино-Змеюкино вообще бы забыл. Вместе с приусадебным участком! Судя по

рассказам одноклассников, они, бедолаги, на таких участках пашут не разгибая спины, и родителям-«садистам» (кажется, не только в переносном, но и в прямом смысле!) глубоко плевать на то, что это, прямо скажем, бесчеловечно: закопать ребенка живьем в землю на все время каникул.

Похоже, теперь и Ваську ждет такая участь!

* * *

И вот настала суббота.

Тимофеевы погрузили в багажник новенького, недавно взятого в кредит «Ситроена» сумку с продуктами, а потом и сами погрузились в салон: мама с папой впереди, Васька на заднем сиденье – и оправались в путь, послушно руководствуясь маршрутом, который прокладывал для них навигатор.

– Веди нас, Сусанин! – бодро сказал ему папа, а мама испуганно воскликнула:

– Я тебя умоляю! Обойдемся без приключений!

Васька тихонько вздохнул. Он бы не отказался от парочки-тройки небольших приключений! Например, от какой-нибудь незначительной поломки, или внезапно закончившегося бензина, или длиннющей пробки... Словом, от чего-нибудь, что застопорило бы путь на несколько часов и в конце концов вынудило взрослых вернуться, так и не доехав до деревни с отвратительным названием Змеюкино.

При этом Васька прекрасно понимал, что надежды его напрасны. В новых французских автомобилях поломок не бывает по определению, бензином отец заправился с утра пораньше и даже не забыл по запасную канистру, а в пробке стоять – себе дороже, особенно если за это время успеваешь разрядиться мобильник и даже в Интернет не выйдешь! Поэтому Васька смирился с судьбой и тупо смотрел на дорогу.

– Между прочим, – вдруг сказал Тимофеев-старший, – Феликс просил меня посмотреть, не найдется ли в этом Змеюкине какой-нибудь старой конюшни. Ты же знаешь, Верочка, он с ума сходит, так хочет открыть базу отдыха и хорошую конюшню при ней!

Настроение у Васьки несколько улучшилось. Феликсом звали директора фирмы, в которой работал отец. Если он будет держать лошадей в Змеюкине, определенно удастся покататься верхом, и не один раз!

Ехали примерно часа полтора по Семеновской трассе, миновали Шаманиху и начали высматривать указатель на Змеюкино, когда зазвонил отцовский телефон.

– Аллю! – сказал Тимофеев-старший. – Привет, Феликс. Упомяни о черте, а он уж тут!

Но, кажется, директор не был настроен шутить. Мобильник громко и сердито кричал... Через пять минут очень темпераментного разговора отец наконец швырнул телефон под ветровое стекло и буркнул:

– Все, съездили посмотреть наследство! Придется срочно возвращаться.

– Я так и знала, – вздохнула Вера Сергеевна. – Опять потеряли какой-то договор и только ты можешь спасти мир?

Фирма, в которой папа возглавлял юридический отдел, называлась «Мир услуг», и Васькина мама частенько острила на эту тему.

– Да ну их в лес! – воскликнул Тимофеев-старший и принялся многословно объяснять, что случилось и почему он ни в чем не виноват.

Он так увлекся своим рассказом, что продолжал ехать в прежнем направлении и даже успел свернуть к Змеюкину!

Пришлось Ваське напомнить, что, по идее, пора бы и возвращаться.

Тимофеев-старший буркнул сердито:

– Не мог раньше сказать, что ли?! – круто развернулся – и заехал на обочину.

«Ситроен» резко накренился влево – и застрял левым задним колесом в какой-то яме.

– Нет, только не это! – воскликнул отец трагическим голосом.

– Погоди, мы с Васькой выйдем, – предложила Вера Сергеевна. – Может быть, легче будет?

Они выбрались из машины и отошли в сторону, уныло наблюдая, как приплясывает «Ситроен», пытаясь выбраться, но увязая в земле еще глубже.

– Кажется, это надолго, – безнадежно вздохнула Васькина мама.

Внезапно какой-то звук прорвался сквозь насадные стоны мотора. Вроде бы мяукал кто-то совсем рядом!

Мать и сын огляделись – и обнаружили серого котенка, который сидел, аккуратно обвив лапки хвостиком, и тихонько попискивал, задрав голову и уставившись на людей огромными желтыми глазами.

– Ого! – воскликнула Вера Сергеевна. – Ты чей такой?!

Котенок мяукнул в ответ, прижался к ее кроссовке и принялся тереться о нее.

– Ах ты мой маленький! – умилилась Вера Сергеевна и осторожно взяла котенка на руки. – Ну какой же ты прелестный! Правда, Васька?

Котенок и в самом деле был очень хорошенький. Пушистый, с большими ушами, чистеньким розовым носиком и каким-то удивительно смысленным выражением мордочки.

– Ну да, ничего, – согласился Васька.

– Ничего?! – возмутилась мама. – Да это же просто чудо! Кстати, у него шерсть пепельного цвета – совсем как твои волосы, замечаешь? Вот именно о таком котеночке я и мечтала!

– Так что, мы его берем? – удивился Васька.

– Конечно! – пылко воскликнула мама. – Наверное, его завезли сюда и выбросили! Бывают же такие бессердечные люди!

Васька печально вздохнул. Котенка, конечно, жалко, но... но лучше бы его не находили. Теперь придется проститься с мыслями о собаке, потому что двух живностей родители держать ни за что не разрешат.

А вдруг папа не согласится брать котенка?

Однако надежда на это мигом рухнула, потому что отец, которому наконец-то удалось выбраться из ямины и выехать на дорогу, очень обрадовался, увидев у мамы на руках серенький пушистый комочек, и даже изрек:

– А ведь этот котенок принес нам счастье! Как только он появился, машина сразу перестала буксовать.

– Вот увидишь, – пылко подхватила мама, – у тебя и все проблемы с пропавшим договором уладятся! Говорят, спасенное животное приносит счастье в дом!

Васька вытаращил глаза.

Ну и дела! Интересно, среди его предков не было, случайно, древних египтян? Кажется, это они обожествляли кошек и приписывали им всевозможные магические свойства?..

Ну, короче, теперь их в машине стало четверо. Мама не спускала котенка с колен, папа поглядывал на них обоих с умилением и беспрестанно кискал, а еще они с мамой наперебой перебирали имена в поисках того, которое дадут новому обитателю квартиры Тимофеевых.

Ваську не спрашивали, да он и сам помалкивал, надеясь, что никто не додумается назвать котенка Васькой.

«Ситроен» повернул на федеральную трассу – и здесь вдруг уперся в хвост совершенно нереальной по размерам пробки. Сзади его немедленно подпер огромный оранжевый «КамАЗ».

– Не выберешься! – воскликнул Тимофеев-старший.

Ваську так и подмывало посоветовать родителям помолиться котенку и попросить его разогнать пробку, но по зрелом размышлении он решил не нарываться на неприятности.

Васька покосился на другую руку и обнаружил, что с ней произошло то же самое. Да и ноги у него тоже сделались маленькими, мохнатыми, четырехпальными. Кроссовок на них уже нет – в кроссовки теперь обут какой-то мальчишка, на коленях у которого сидит Васька... И этот мальчишка одет в его джинсы и футболку, на запястье у него Васькины часы, а еще у него пепельные Васькины волосы, и чуть вздернутый нос, и светло-карие глаза, и вообще это вылитый Васька Тимофеев, ну самый настоящий Васька Тимофеев!

«А я тогда кто же?!» – всерьез испугался Васька и изо всех сил встряхнулся, чтобы прогнать этот дурацкий, этот пугающий, этот ужасный сон, однако чья-то тяжелая рука легла ему на шею и сжала изо всех сил.

– Ну ты, кошак, сиди тихо! – раздался противный грубый голос. – Убери свои дурацкие когти! Перестань царапаться, а то выкину из машины!

Васька Тимофеев и не собирался царапаться. Он просто пытался оторвать от своего горла жестокие пальцы, которые, кажется, норовили его задушить.

Кое-как ему удалось вырваться, однако пальцы тотчас стиснули его загривок и подняли в воздух.

Васька рвался и брыкался, силясь дотянуться до лица, которое ну вот только что, несколько минут назад принадлежало ему и было довольно симпатичным и добродушным, а сейчас казалось отвратительным, злым и хищным.

– Очень странно, – послышался голос отца. – А я где-то читал, что, если котенку стиснуть загривок, его можно обездвижить. А этот брыкается – вы только посмотрите как!

– Папа, спаси меня от него! – вскрикнул Васька Тимофеев, изо всех дергаясь, чтобы освободиться от немилосердной хватки, но из его горла вырвалось только жалобное мяуканье. Зато маленькие, покрытые шерстью лапки дотянулись до лица этого мерзкого и злобного мальчишки!

– Мама! Папа! – взвизгнул мальчишка. – Он меня поцарапал, этот ваш паршивый котенок!

– Я никакой не котенок, это ты котенок! – заорал Васька, однако вновь смог издать всего лишь какой-то возмущенный хриплый мям.

– Как хотите, а я его выброшу! – плаксиво выкрикнул мальчишка и... и в самом деле вышвырнул Ваську Тимофеева в открытое окно – да с такой силой, что тот пролетел над обочиной, над придорожными кустами и мягко, на все четыре лапы, приземлился уже под березами, в лесу, близко подступившем к шоссе.

* * *

Васька сломя голову кинулся обратно, то и дело путаясь в траве и собственных конечностях, которых теперь было у него чрезмерно много, наконец добежал до дороги – и отпрянул от рычащих, стремительно мчавшихся по дороге машин.

Движение внезапно восстановилось! Пробка рассосалась с невероятной скоростью, и «Ситроен» умчался далеко вперед, увлекаемый общим потоком.

Родители уехали... они и заподозрить не могли, что мир вокруг них перевернулся и его уже не спасти, что они лишились своего сына, что его место занял кот-мальчик... а их Васька, их сын Василий, Василий Петрович Тимофеев, сидит сейчас на обочине трассы, упиравшись четырьмя трясущимися лапками в землю, дрожит весь, от ушей до хвоста, не в силах смириться с тем кошмаром, который с ним внезапно приключился, и все ждет, что проснется от этого страшного сна, что эта жуть развеется словно черная туча, закрывшая небо, и сквозь ее обрывки проглянет наконец солнце реальности и все вернется на свои места.

Ждет, что он снова станет человеком!

Однако чуда не произошло. Васька с ужасом осознал, что ему придется на своих двоих, вернее четырех, тащиться в город, отыскивать дорогу домой, скрестись под дверью и...

И что?! Что делать потом?!

Жалобно мяукать и ждать, что его впустят? Или дадут пинка? А даже если и впустят, то как... как жить дальше котом?!

– Ха! Ха! Ха! – раздался вдруг рядом чей-то громовой хохот.

Васька испуганно огляделся, потом задрал голову.

Да нет, никто не хохочет. Это налетела большущая черная ворона, кружит над ним и каркает во все воронье горло:

– Кар! Кар! Кар!

На самом-то деле на хохот это ничуть не похоже. Куда больше напоминает какой-то воинственный клич! Вообще такое впечатление, что намерения у этой вороны самые недобрые. Вот она заложила над Васькой крутой вираж, будто фашистский самолет в фильмах про войну, а потом резко пошла на снижение... вернее, на штурм!

Интересно, вороны питаются котами?

Раздумывать над этим времени особо не было. Васька еле успел отпрянуть под защиту разлапистого куста, в который чуть не врезалась ворона. Однако это, похоже, ее не разозлило, а насмешило, потому что она снова разразилась своим «кар-кар-кар», и на сей раз это настолько напоминало издевательский хохот, что Васька озадачился.

Какая-то чрезмерно разумная ворона... Вообще, говорят, это мудрые птицы. Только вряд ли вороньей мудрости хватит на то, чтобы понять: перед ней не какой-то жалкий котенок, которого она, судя по всему, запросто может прикончить одним ударом своего черного костяного клюва по башке, а потом постепенно расклевать, а существо еще более разумное, чем она сама, – человек!

Хомо, так сказать, сапиенс. И вообще царь природы!

Каркающий хохот вновь раздался совсем рядом.

Васька очнулся от размышлений о собственном величии и обнаружил, что ворона стоит около куста, под которым он притулился, и поглядывает на него, забавно поворачивая голову. Казалось, ей удобней смотреть одним глазом, а не обоими. А может быть, она этой своей головой просто-напросто покачивала с откровенной насмешкой: «Нашел куда от меня спрятаться, дурачок! Да ведь я тебя запросто достану!»

И в самом деле – ворона, переваливаясь, заковыляла к Ваське, чуть нагнувшись вперед, чтобы удобнее было подлезть под ветки.

Ужасный черный клюв был уже совсем близко, когда Васька понял, что хватит думать – пора действовать!

Он выскочил из-под куста – и понесся куда глаза глядят, стараясь все время находиться под защитой травы, кустов и деревьев. Угодил в заросли крапивы, которые казались бесконечными. Мельком подумал, что человек, попав сюда, мог бы и умереть от боли и ожогов... правда, никакой нормальный человек сюда бы не сунулся! Наконец Васька выбрался из крапивы и помчался дальше, то путаясь в высокой траве, то выбираясь на какие-то узехонькие стежки-дорожки, протоптанные, похоже, такими же крохотными лапками, какие теперь были у него самого. Небось раньше, будучи человеком, Васька и не разглядел бы их!

Небось раньше, будучи человеком, он не драпал бы от вороны в таком темпе и в такой панике! Уж наверное нашел бы какую-нибудь палку и отбил бы! Еще и, гляди, обратил бы саму ворону в бегство!

Вдруг Васька замер. Он и не заметил, как лес кончился и теперь он оказался рядом с каким-то неказистым домишком: с просевшей крышей, повалившимся на один бок крылечком, покосившимися стенами, подслеповатыми окошками, в которых кое-где мутнели стекла, а кое-где они были просто забиты досками.

Кто здесь живет, какие люди? Добрые или недобрые? И есть ли вообще жизнь в таком домишке?!

Впрочем, толком поразмышлять на эту тему Ваське не удалось: ворона нашла его и вновь начала описывать над ним круги! Он метнулся вперед, запрыгнул с разбегу на одну ступеньку, вскарабкался на другую, чуть не провалился в щель на третьей, подскочил к двери, которая оказалась приотворена, протиснулся в нее, перевалился через ветхий порожек, миновал крохотные сенцы, заваленные каким-то старьем, – и оказался в полутемной комнатенке.

Ну и ну... Сколько же времени тут не ступала нога человека?! Все стены, пол, потолок и немногочисленная обстановка были оплетены паутиной, поросли мхом, подернулись белесой плесенью и выглядели совершенно отвратительно и пугающе. Окна запылились настолько, что ни единый солнечный луч не мог через них проникнуть.

Единственной вещью, которой не коснулось общее запустение, оказался висевший на стене портрет: просто холст без рамы.

К сожалению, полотно от времени почти сплошь покрылось трещинами. С трудом удавалось рассмотреть черты очень старой, но еще красивой женщины с гладко причесанными седыми волосами.

Вдобавок ко всему, портрет оказался аккуратно разрезан посередине. И на стене висела только левая его половина.

Васька разинул от изумления рот – да так и сел на заплесневелый пол. Да ведь перед ним висит вторая половина того самого портрета, который несколько дней назад получили Тимофеевы вместе с извещением о наследовании домишки в деревне Змеюкино.

То есть это получается что? То есть что же это получается? Это получается, что Васька сейчас находится в деревне Змеюкино?! В том самом доме, который был завещан Тимофееву-старшему?!

– Не может быть... – ошалело мяукнул он.

В этот миг половинка рта, еле различимая среди трещин на портрете, зашевелилась – и раздался старушечий голос:

– Зачем ты сюда пришел, Васька Тимофеев? Бежал бы восвоеси! Хотя от нее ведь не отвяжешься... Теперь мучиться тебе, бедолаге, неисчислимыми муками, пока черная тварь злобу свою не насытит и мезтью не насладится!

– Какая мезть? – пролепетал Васька ошеломленно. – Откуда вы знаете, как меня зовут? Какие муки? Какая черная тварь?! Кто это?

– Кто-кто! – буркнул портрет. – Известно кто! Ульяна Угрюмова! Ведьма Ульяна!

– Ведьма?! – тупо повторил Васька. – Но я никакой ведьмы не видел...

Зубы у него стучали от страха, мяуканье выходило прерывистым и неразборчивым, словно бы заикающимся...

– Не видел? – повторил портрет. – Ну так сейчас увидишь, бедолага!

Внезапно за Васькиной спиной повеяло мертвенным холодом. Он обернулся – и с визгом вскочил, заметался туда-сюда и наконец забился в угол, отчаянно желая сделаться таким же пыльным, замшелым и заплесневелым, как все в этой комнатенке, слиться с окружающим, только чтобы его не различила и не настигла черная мгла, которая медленно просачивалась в щелястую дверь.

* * *

Тьма сначала стелилась по полу, потом собралась в комок – и вдруг приняла очертания черной птицы, в которой Васька с ужасом узнал ту самую ворону, которая гналась за ним. Через миг ворона приняла облик змеи, вставшей на хвост, и закачалась в разные стороны, вертя маленькой плоской головкой, словно пытаясь отыскать скорчившегося в укром-

ном уголке котенка. Вдруг змея свилась клубком и обернулась черной свиньей, которая мерзко хрюкнула, обратив к Ваське свой широкий вздернутый пяточок, но тут же вместо свиньи появилась женская фигура с понурой головой, распущенными волосами и руками, прижатыми к груди в том месте, где она была пронзена какой-то заостренной палкой.

При виде этой женской фигуры половинка портрета издала пронзительный вопль, яростный и в то время жалобный, а в ответ раздался издевательский хохот, снова напомнившей Ваське воронье карканье, – и черная тьма рассеялась: втянулась в щели в стенах, окнах, дверях, прилипла к потолку в виде черной паутиной бахромы – а посреди комнаты возникла одетая в длинное черное платье женщина, которая в одно мгновение нашла глазами Ваську и весело, добродушно улыбнулась ему:

– Здравствуй, котишка-оборотень!

На первый взгляд она была необыкновенно красива: черноволосая и черноглазая, с длинными стрелчатыми ресницами, белолицая и румяная... однако красота ее не восхищала, а пугала. Сросшиеся на переносице брови, тонкие, искривившиеся в недоброй ухмылке губы, острый подбородок и длинный, слегка загнутый нос придавали ей зловещее выражение.

Может быть, это не бросалось бы так в глаза при встрече на освещенной солнцем улице, но если вспомнить, где происходило дело и что предшествовало появлению красавицы, из какого черного дыма и мрака она возникла...

Да, тут уж было не до восхищения – от нее хотелось отвернуться и больше никогда в жизни не видеть!

«Ведьма, черная тварь», – вспомнил Васька слова портрета, и такая дрожь пробрала его, что показалось, будто даже стенка, к которой он прижимался, задрожала.

В самом деле – это была красота ведьмы, вампира, красота зла... если только зло может быть красивым.

– Ну, котишка-оборотень, – продолжала женщина, – я и не думала, что ты приткий такой. Лихо от меня удирал! Или очень спешил наследство Марфы Ибрагимовны посмотреть?

И она захохотала, а портрет скривился словно в приступе боли.

Ваське было очень страшно, однако еще больше его разбирало любопытство.

– А скажите, пожалуйста, – робко мяукнул он, – неужели Марфа Ибрагимовна моему папе именно этот дом завещала? Уж очень он старый. Такое ощущение, что в нем вообще тыщу лет никто не жил.

– Ну ты скажешь, котишка-оборотень, – развела руками ведьма Ульяна. – Тыщу лет! Да всего каких-нибудь сотни полторы, не более того. С тех пор, как Марфа Ибрагимовна померла.

– Слушайте, здесь какая-то путаница! – воскликнул Васька. – Если она умерла сто пятьдесят лет назад, она никак не могла быть троюродной прабабушкой моего папы. Тогда даже моя троюродная бабушка еще не родилась! А про папу вообще и мыслей ни у кого не было. Значит, Марфа Ибрагимовна не могла завещать ему дом.

– А ты догадлив, котишка-оборотень! – одобрительно сказала Ульяна. – Само собой, ничего и никому Марфа Ибрагимовна не завещала – это я все подстроила, чтобы вместо тебя моего слугу к вам в дом заслать, а тебя сюда завести. Ты Васька, и он котом Васькой был! Думаю, уж достаточно долго! Я Петру Тимофееву буду вечно мстить через потомков его! Теперь твои мать с отцом хорошенько помучаются... и ты помучаешься, наблюдая за ними. А потом и сам сдохнешь!

Васька только хлопал глазами, слушая ее. «Какую-то пургу она гонит», – подумал растерянно.

– Ишь, вытарачился! – ухмыльнулась Ульяна. – А сейчас такое узришь... Эй, левый глазок, покажи нам то, что видит правый!

Портрет затрясся так, словно собирался сорваться со стены. Трещины пошли волнами, а потом вдруг все разгладились, словно и не было их никогда, и перед Васькой предстала половинка женского лица изумительной, несказанной красоты.

Какие седые волосы? Они оказались рыжими, золотистыми, солнечными. Какая старуха?! Женщина на портрете была молода и прекрасна.

Да, это вам не ведьма Ульяна с ее крючковатым носом! Все в лице Марфы Ибрагимовны было гармонично и неотразимо – это понимал даже Васька. И если она в молодые годы и в самом деле была такая, неудивительно, что с нее портреты писали!

На Ваську взглянул зеленый глаз – и ему почудилось, будто он заглянул в зеленый омут. А через мгновение в омуте показались какие-то фигуры, лица... и Васька увидел свой дом, увидел квартиру, в которой прожил почти тринадцать лет...

«Левый глазок, покажи нам то, что видит правый», – приказала ведьма Ульяна. Значит, сообразил Васька, левая половинка этого портрета может видеть то, что видит правая, которая в это время находится в доме Тимофеевых. Ну и чудеса...

И тут же Васька позабыл обо всем на свете, потому что увидел маму.

Свою маму!

– Мамочка! – заорал он что было сил, но в ответ получил только ехидный смехок Ульяны:

– Зря стараешься, котиска-оборотень. Тебя никто не слышит.

У Васьки все плыло в глазах, пока он не понял, что плачет, и не смахнул слезы сначала одной лапкой, потом другой. Чтобы не мешали смотреть на маму.

Мама стояла у окна Васькиной комнаты и печально глядела на улицу. А рядом с ней топтался тощий мальчишка с пепельными волосами и курносой физиономией, украшенной двумя изрядными царапинами.

Кот-мальчик!

– Не понимаю, как ты мог так поступить, – тихо сказала мама, не оборачиваясь. – Конечно, котенок оцарапал тебя, конечно, тебе было больно, но выбросить его на дорогу... просто взять и выбросить, будто огрызок от яблока, будто конфетную бумажку... это было жестоко, Васька, неужели ты не понимаешь?! Самое обидное, что именно в эту минуту пробка рассосалась, машины тронулись. Мы даже не сразу поняли, что произошло, а когда спохватились, было уже поздно... А вдруг котеночек разбился? Вдруг ударился так сильно, что погиб?!

– Да ладно тебе, мам, – сказал кот-мальчик невыносимо противным, каким-то мяукающим голосом.

Васька точно знал, что его собственный голос раньше был другим, и просто диву давался, что мама ничего, никаких изменений не замечает.

– Не переживай, – продолжал кот-мальчик. – Кошки всегда падают на четыре лапы, они с какой угодно высоты прыгнуть могут и жутко живучи. Ничего с ним не случилось, с этим котенком. Спорим, он уже вернулся к себе домой? И вообще, ты так о нем переживаешь, будто он твой родственник! Давай лучше поедим, а?

– Подогреть суп или мясо тушеное? – спросила мама покорно.

– М-мяу-со! Конечно, м-мяу-со! – промурлыкал кот-мальчик, и опять мама ничего не заметила и вышла из комнаты, грустно опустив голову.

Может быть, она так переживает потому, что чувствует: она лишилась не просто какого-то там котенка, а родного сына? Ах, как бы Ваське хотелось так думать!

Дальше произошла вот такая странная штука. Васька одновременно видел и маму, которая грела на кухне обед для того, кого она считала своим сыном, и этого паршивого самозванца.

Оставшись в одиночестве в Васькиной комнате, которая теперь принадлежала ему, кот-мальчик первым делом бросился к дивану, вскочил на него с ногами и принялся остервенело драть пальцами диванную спинку! При этом он пофыркивал и подмякивал ну совершенно как кот, которому приспичило срочно поточить когти.

Однако ничего у него не получилось, потому что Васькины ногти оказались коротко подстрижены. Дело в том, что его совсем недавно с превеликим трудом отучили эти ногти грызть, и мама теперь в оба глаза следила, чтобы они не отрастали больше чем на миллиметр.

Кот-мальчик с отвращением поглядел на свои, то есть Васькины, руки, злобно фыркнул и свернулся клубочком в углу дивана. Правда, спокойствия его хватило ненадолго. То, что он затеял потом, не лезло вообще ни в какие ворота. Поплевал себе на руку и принялся растирать слюну по лицу! Не сразу до Васьки дошло, что бывший котенок просто-напросто решил умыться.

Честно – если бы Васька не наблюдал это своими глазами, он ни за что не поверил бы, что человек может так себя вести!

Хотя, с другой стороны, разве перед ним был человек? Конечно нет!

Кот-мальчик оказался ужасным чистюлей. Он умывался очень старательно: и лицо помыл, и голову, и принялся за шею, когда мама позвала ужинать.

Тут он сверзился с дивана на четвереньки. Забыл, наверное, что уже не может падать на четыре лапы с любой высоты без всякого вреда для себя, ну и крепко ушиб локти и колени.

«Так тебе и надо!» – с ненавистью подумал Васька.

Злобно пошипев и пофыркав, кот-мальчик торопливо потер ушибленные места ладошкой – сначала, конечно, полизав ее и занеся, между прочим, в захваченный мерзким колдовством организм Василия Тимофеева очередное количество микробов.

Во что же превратится этот самый организм к тому времени, когда в него вернется законный хозяин?! Да он, наверное, из поликлиники вылезать не будет, горстями лекарства станет пить, когда вернется в свое тело!

Но тотчас до Васьки дошло, что его шансы на это возвращение равны не просто нулю, но нулю с минусом, и он чуть не разрыдался. Удержало его только то, что мерзкая ведьма Ульяна, конечно же, очень порадовалась бы его отчаянию, ну и Васька из гордости решил не давать ей такой возможности.

Тем временем кот-мальчик примчался на кухню, оглядел сначала все углы, видимо, пытаясь отыскать там кошачью площадку с едой, потом спохватился, посмотрел на стол, издал радостный мяв – и попытался вскочить на табуретку с ногами. Однако ничего из этого не вышло: табуретка была маленькая. Кое-как устроился по-человечески, придвинул к себе тарелку с тушеным мясом и картошечкой и облизнулся.

У Васьки Тимофеева рот наполнился голодной слюной, потому что это было его любимое блюдо, да и вообще – он ведь только завтракал сегодня, а сейчас дело к вечеру! Однако он мгновенно забыл о голоде при виде невероятной картины: кот-мальчик принялся есть прямо из тарелки, обходясь не только без вилки и ножа, но даже без помощи рук! А потом, заметив, что разбросал по столу куски мяса, картошки и разбрызгал подливку, проворно слизал все это языком. И надо же было так случиться, что именно в это мгновение на кухню вернулась мама!

Кот-мальчик начисто вылизал стол и теперь сидел с довольным видом и сыто шурился. А Васькина мама смотрела на него.

Васька видел ее лицо, такое изумленное и негодующее... такое любимое и родное!

«Мамочка, стукни его как следует! Стукни!» – мысленно взмолился он.

Нет, было бы еще лучше, если бы мама решила, что ее сын спятил, что нужно его срочно отправить в психушку, надеть на него смирительную рубашку, посадить за решетку и лечить с помощью лоботомии.

Несколько мгновений зрелище кота-мальчика в смирительной рубашке и за решеткой тешило воображение Васьки Тимофеева, а потом перестало. Просто потому, что мама никогда не отправила бы своего сына – даже такого, каким он стал теперь! – в психушку...

Вдруг все: и кухня родного дома, и кот-мальчик, и потрясенная мама – все это пропало, что-то оглушительно загрохотало, и Васька осознал, что снова смотрит в левый глаз портрета

Марфы Ибрагимовны Угрюмовой. Глаз этот испуганно заморгал, портрет снова собрался морщинами-трещинами, а в следующее мгновение Васька понял, что так сильно грохотало. Это был удар грома!

Васька вспомнил, как папа предупреждал: мол, гроза к вечеру грянет.

И он не ошибся. Гроза разразилась-таки. По крыше ударили первые капли дождя.

– Боишься грозы, котик-оборотень? – вкрадчиво спросила ведьма Ульяна.

Если бы Васька мог, он бы пожал в ответ плечами: мол, а чего ее бояться?

– Да ты, я погляжу, храбрец! – одобрительно кивнула Ульяна. – Значит, повезло мне... да и тебе, значит, повезло. Видишь ли, Васька, я заменила тебя своим слугой. Теперь назад ему ходу нет, а я осталась без помощника. Но ты мне нравишься! Ловко от вороны, то есть от меня, в лесу ускользнул, поглядеть в глаз Марфы Ибрагимовны не струсил, теперь вот грозы не страшишься... Люблю храбрецов! Хочешь, я тебя премудрости своей обучу? Послужишь у меня, а потом и сам станешь колдуном! Будешь ты могуч, богат сказочно и неодолим врагами, всех их ты в бараний рог согнешь одним махом! Все твои желания станут исполняться быстрее, чем ты пожелать успеешь... Ну что, согласен, Васька?

Быстрее молнии промелькнул в Васькиной голове собственный образ в виде кого-то, кто могущественней Дамблдора и Волан-де-Морта вместе взятых, кто запросто сгибает в бараний рог ведьму Ульяну и кота-мальчика... и он так старательно закивал, что у него даже шея заболела:

– Согласен! Я согласен!

– Ну, коли так, – довольным голосом сказала Ульяна, – настало время приступить к испытанию.

– К испытанию? – удивился Васька.

Вот те на, а он-то думал, что учеба прямо сейчас начнется и он будет стараться изо всех сил и превзойдет своими знаниями учителей своих и товарищей своих, как выразился бы старик Хоттабыч... главное, поскорей превзойти эту ужасную училку, чтобы расправиться с ней! А тут, оказывается, еще какие-то испытания...

– Конечно, – кивнула ведьма Ульяна. – Мне нужен не просто храбрец отъявленный, а тот, кто головой думать умеет, когда надо. Но знай: если не выдержишь испытания, я тебя из дома выброшу во двор, под дождь, гром и молнии.

«Велика беда! – мысленно усмехнулся Васька. – Можно подумать, я под дождь никогда не попадал! В грозу главное – не прятаться под высокое дерево и не лезть туда, где железо».

– Терпи, оставайся неподвижен, тогда ждет тебя удача, – предупредила Ульяна. – Ну а закричишь – конец тебе.

Ее фигура вдруг завилась крутым черным смерчем – и откуда ни возьмись появился перед Васькой огромный пес. Хотя нет, это был волк, потому что был он худ и сер, глаза у него сверкали голодным блеском, а из пасти капала слюна. Зубы у волка были очень острые: ясно, что он готов этими зубами перемолоть Ваську в мелкий фарш, а потом проглотить!

Васька отпрянул и прижался к стене. Волк подступил к нему и клацнул своими зубищами. У Васьки дыхание от ужаса сперло, и, наверное, именно поэтому он и не заорал с перепугу!

Но это оказалось еще не самое страшное. С головы волка вдруг полезла шерсть, потом начала отваливаться шкура, вытянутая морда сделалась более плоской – и Васька увидел, что никакой это не волк, а человек, хотя и страшно уродливый.

«Оборотень!» – ужаснулся Васька.

– Догадливый! – взвыл оборотень. Ухмыльнулся, вприщур глянул на Ваську злобными насмешливыми глазами, клацнул зубами все еще по-волчьи, потом когтем содрал со щеки ошметок шерсти, которая почему-то еще не сошла, – и протянул к Ваське когтистую лапу. Однако когти с каждым мгновением все больше становились похожи на человеческие ногти, пальцы вытягивались, покрытая шерстью лапа принимала очертания ладони...

«Да это ведь то же самое, что со мной происходило! – вспомнил Васька. – Только наоборот! Тогда я в kota превращался, а теперь волк превращается в человека! Довольно интересно...»

Уродливая физиономия оборотня недовольно исказилась, он снова клацнул зубами, закинул голову, протяжно и злобно взвыл – и исчез, как будто его и не было, а породившая его тьма снова расползлась по щелям и углам.

Васька перевел дух. Если это было первое испытание, то оно оказалось хоть и очень-очень страшным, но довольно интересным и даже, можно сказать, познавательным!

Вдруг его взгляд случайно упал на портрет Марфы Ибрагимовны, и Васька увидел, что половинка рта на портрете улыбается, а зеленый глаз поблескивает. Похоже, Марфа Ибрагимовна была довольна, что он преодолел первое испытание.

Интересно, а почему? Почему ей хочется, чтобы Васька пошел к ведьме Ульяне в ученики и стал колдуном? Уж не потому ли, что и Марфа Ибрагимовна мечтает, чтобы кто-нибудь Ульяну согнул в бараний рог?

Додумать Васька не успел: тьма вновь вырвалась из своих щелей и ринулась к нему так стремительно, что он влип в стену, словно хотел продавить разошедшиеся бревна насквозь. И вот из этой то зыбкой, то наливающейся плотью черной мглы начали возникать, сменяя друг друга, фигура за фигурой, и каждая была ужасней другой. На Ваську таращились пустые глазницы черепов, изъеденных гнилью; к нему тянулись окостенелые пальцы, которые высывались из серых пыльных рукавов каких-то ряс...

Васька трясся, но терпел и молчал.

Потом вдруг явилась фигура в заплесневелом, туго запеленатом саване и начала выпутываться из него, извиваясь как змея. Наконец ей удалось высвободить одну руку, но это оказалась не рука, а в самом деле змея! Белая змея – отвратительно-белая, тускло-белая и влажная, словно слизень, притаившийся под грудой какого-нибудь заплесневелого, вонючего тряпья, давным-давно брошенного в сыром углу.

Из головы змеи-слизня показались не то зубы, не то пальцы, и они начали не то грызть, не то рвать саван на груди. Наконец ткань треснула – и Васька увидел, что там, в груди фигуры, на месте сердца кипит и клубится какая-то черно-сизо-белая куча... Но нет, это был клубок змеиных тел, понял он через мгновение! А ткань трещала, трещала, дыра расширялась, вот-вот должно было открыться лицо, и невозможно было представить себе, каким ужасным оно окажется!

Но вот саван на голове фигуры наконец треснул, и десятки змей разом высунулись в образовавшуюся дыру, завертели головами, словно озираясь, словно пытаясь понять, где находятся... и вдруг увидели крошечного котенка, замершего у стены.

Фигура медленно наклонила голову, все змеи разом потянулись к Ваське – и он не выдержал.

Нет, он не закричал и даже не замыкал, потому что ни кричать, ни мяукать было просто нечем: все нутро его словно спеклось от страха – горло ссохлось, и голос в нем ссохся. И все же то, что он чувствовал, был не страх, а что-то больше страха...

Ненависть, вот что это было! Да, Васька внезапно преисполнился смертельной ненависти к ведьме Ульяне, которая лишила его родителей, дома, привычной жизни, превратила в жалкого котенка, да еще и безжалостно донимала этими отвратительными ужасами. Он ринулся вперед – и вцепился зубами в одну из змеиных голов!

В те времена, когда Васька был мальчишкой, он, наверное, умер бы при одной мысли о том, что может схватить змею за голову, да еще зубами. Но сейчас, сделавшись котом, он откуда-то знал, что надо поступить именно так и стиснуть зубы как можно крепче. Васька так и сделал... и в то же мгновение раздался ужасный, исполненный боли визг!

Васька словно бы оглох и ослеп от этого визга, а потом что-то вцепилось ему в загривок с такой силой, что челюсти его разжались и змеиная голова выскользнула из них.

В следующее мгновение он обнаружил себя в руке у ведьмы Ульяны, которая слабо постанывала, потирая другой рукой шею, и с ненавистью смотрела на Ваську:

– Ах ты пакость живучая! Я тебя так и этак, а ты...

Внезапно она покачнулась и чуть не выронила Ваську, с такой силой вновь ударил гром, и дождь, который до этого лишь постукивал по крыше, хлынул неудержимо.

Там, где окна были заколочены досками, начало подтекать; с потолка закапало.

Грянул новый раскат грома!

Ульяна выскочила в сени, чуть приотворила дверь на крыльцо и быстро проговорила, ехидно глядя на Ваську, беспомощно висящего в ее руке:

– Хотела бы, ох как хотела бы я тебе шею свернуть, да, на беду, сама я тебя убить не могу. Однако вдруг да гроза поможет? Те, кто в Бога верует, говорят: в грозу-де черти за кошек прячутся, а Илья-пророк, который всех чертей норовит извести, бьет в них молниями без промаха. Потому в грозу знающие люди котиное племя вон из избы выбрасывают. Посмотрим же, каков ты удачник! Коли суждено тебе выжить – выживешь, ну а на нет и суда нет!

Выпалив все это одним духом, Ульяна с размаху швырнула Ваську во двор, а потом с грохотом захлопнула щелястую дверь.

* * *

Васька угодил в середину огромной грязной лужи, которая уже успела разлиться посреди двора. Рядом вскипали пузыри: дождь хлестал немилосердно, а громы и молнии чередовались с устрашающим упорством, причем огненные стрелы втыкались в землю практически рядом с лужей.

Да что ж он вытворяет, этот Илья-пророк?! Черт за кошкой прячется?! Нашел тоже кошку!

При очередной вспышке молнии Васька заметил неподалеку, в заросшем заброшенном огороде, какое-то строение. Оно казалось еще более кособоким и невзрачным, чем домишко Марфы Ибрагимовны, однако все же это были какие-никакие стены, какая-никакая крыша!

Васька кинулся в огород, немедленно угодив в джунгли из крапивы, полыни, лебеды и каких-то других сорняков, которым он не ведал названия.

И вот наконец исхлестанный травой Васька проворно взобрался на покосившееся крыльцо и прижался всем телом к двери. Она громко, протяжно скрипнула – и Васька ввалился в какое-то помещение, пахнувшее запустением и сыростью.

Вокруг царил темнота, однако темнота Ваське с некоторых пор стала не помеха. Ведь все кошки никталопы, то есть могут одинаково хорошо видеть и днем и ночью. Приобрел это умение и Васька Тимофеев, и, похоже, на сегодняшний день это было единственное благо, которое принесло ему случившееся с ним превращение!

Честно, он вполне обошелся бы без этого блага, только бы удалось вернуться домой!

И наконец хоть чего-нибудь поесть...

Например, тушеного с картошкой мяса или пару-троечку куриных котлет с рисом. Обыкновенная вареная курица из супа с вермишелью тоже прошла бы на ура.

От таких мыслей есть захотелось еще сильнее – даже в дрожь бросило! Однако его трясло не только от голода, но и от холода. Он совершенно вымок – а вытереться-то было нечем.

Последовать примеру кота-мальчика и начать вылизываться Васька даже не собирался. Он чувствовал себя человеком и хотел нормально, по-человечески вытереться полотенцем!

И вдруг он сообразил, что за странный слабый запах царит в этой сараюшке. Пахло березовыми вениками!

И впрямь – возле пыльной, давным-давно остывшей каменки¹ и в самом деле была навалена груда старых-престарых березовых веников.

Значит, это не просто сараюшка, а старая заброшенная баня... А вдруг кто-нибудь из ее прежних посетителей забыл здесь свое полотенчко?

Васька обшарил все: заглянул в старые разошедшиеся деревянные ведра, протиснулся даже за большую кадку, стоявшую под стеной и почему-то полную воды, но ничего не нашел.

Осталась неисследованной только куча березовых веников возле каменки.

Он подошел и осторожно пошевелил лапкой ближайший веник. Тот высох так, что листья посыпались рыжей трухой и Васька расчихался.

Почудилось ему – или в самом деле что-то прошуршало там, за вениками, в углу? Небось притаившаяся мышка размышляет, в какую сторону кинуться наутек, чтобы спастись от кошачьих зубов...

Напрасно она трясется! Васька-человек мышей не боялся, а Васька-кот совершенно не рассматривал их в качестве пищи.

Еще не хватало всякую гадость есть! Да еще и сырую!

– Не бойся, мышка, я тебя не трону! – буркнул он и решительно полез было в гущу веников, как вдруг услышал, что там кто-то резко и тяжело дышит, словно стараясь сдержать и скрыть себя, но это ему плохо удается.

Это определенно была не мышка.

Может, крыса? Крыс Васька Тимофеев тоже не боялся, но это когда было! Тогда он мог какую угодно крысу пинком отогнать, а сейчас какая угодно крыса его запросто напополам перекусит...

Васька попятился, однако было поздно!

Раздалось ужасное храпение, хохот, вой и свист, такие громкие, что Васька чуть не оглох, а потом старые веники разлетелись в разные стороны, из них что-то выскочило, схватило Ваську за загривок, подняло в воздух, с силой размахнулось им – и швырнуло в стену.

Васька дернулся всем телом, пытаясь замедлить свой полет или хотя бы изменить его траекторию, чтобы не разбиться всмятку.

Фокус удался, потому что он не влип в стену, а только слегка задел ее, а потом...

Потом он с громким плеском свалился в кадку, полную воды, и камнем пошел ко дну! Как будто сорвался с вышки в бассейн!

Не далее как два месяца назад, незадолго до окончания учебного года, Василий Тимофеев участвовал в районных соревнованиях среди шестиклассников по плаванию и даже занял призовое третье место. Сейчас было покруче соревнований – надо было жизнь спасать!

На всякий случай он нырнул и затаился на дне. Вдруг этот, который швырнул Ваську в воду, тоже плюхнет в бочку и начнет его топить? Тогда придется нападать первым...

Однако в бочку никто не плюхался. Пора выбираться на поверхность, тем более что воздуха осталось не много.

Васька вынырнул, доплыл (правда не слишком стильно, а так себе, довольно неуклюже подгребая под себя лапками) до бортика этого странного бассейна, в смысле до края бочки, и, зацепившись когтями, выбрался на него.

Наконец Васька спрыгнул на пол, отряхнулся, потряс головой – и внезапно услышал рядом надтреснутый, скрипучий и шепелявый голосишко:

– Так я и знал, что никакой ты не кот!

Васька прижался спиной к кадке, чтобы защитить тылы, затравленно огляделся – и ошалело помотал головой, не в силах поверить глазам.

¹ Каменка – печка в деревенской бане, сложенная из камней. На эту раскаленную печку плещут воду, чтобы поддать пару.

Перед ним стоял обросший полуседой бородой человек, до того маленький, сухонький и несуразный, что хотелось назвать его «человечком» или вовсе «человечишком», а бороду его – «бородкой» или вовсе «бороденкой». Был он чуть сгорблен, кривобок, кривоног, бос и почти гол, если не считать некоторого количества пожухлых дубовых и березовых листьев, которые, наверное, отвалились от веников и словно бы прилипли к его телу, образуя подобие одежды. Зато на его голову была нахлобучена большая ушанка – серая от времени, пыли и плесени, с длинными обтрепанными завязками, которые образовывали на макушке легкомысленный бантик.

Незнакомец был настолько неказист и невзрачен, что трудно было поверить, будто это именно он недавно издавал посвист, вполне достойный Соловья-разбойника, Одихмантьева сына.

– Никакой ты не кот! – повторил человек своим скрипучим и шепелявым голосишком. – Зрак круглый, вокруг очей ресницы торчат, нырять да плавать умеешь... Кот немедля ко дну пошел бы, в такую глубь канув! Человек ты! Но кто же тебя так изурочил, болезный? Которая из нашенских ведьм?

Слово «изурочить» – совершенно непонятное, конечно! – вдруг самым болезненным образом напомнило Ваське о школьных уроках, попасть на которые он сможет когда-нибудь еще или нет – совершенно неведомо.

Странно, конечно, устроен человек... Раньше Васька пользовался бы любой возможностью избавиться от этих самых уроков, а сейчас вдруг осознал, что это неотъемлемая часть его прежней, человеческой жизни, которую он всю – со всем плохим и хорошим, невыносимым и отличным, – всю потерял! И это осознание совершенно пришибло Ваську. Стало, так сказать, соломинкой, которая сломала спину верблюда, последней каплей, переполнившей чашу страданий... и все, что накопилось в его душе в этот ужасный, ужаснейший день вдруг пролилось слезами.

Конечно, Ваське случалось плакать и в былые, человеческие дни, он знал вкус слез, но тогда эти слезы были так себе – малосольные какие-то, а сейчас стали именно горькими и даже, можно сказать, горючими!

Васька чуть не захлебнулся слезищами, как вдруг почувствовал прикосновение чего-то мягонького к своему лицу, то есть к мордочке своей, – мягонького, но такого пыльного, что он расчихался.

Открыл глаза – и увидел, что облепленный листьями человек пытается вытереть ему слезы какой-то чрезвычайно ветхой тряпицей.

– Да будет тебе, котишко-оборотень! – ласково проговорил человек. – Не бойся меня! Я ж только так... пугаю для порядка. Раньше службу свою исправно нес: только соберись кто после полуночи в баньке моей попариться – я его вмиг запарю до смерти. Или, скажем, ежели начнет кто словами непотребными крыть – тоже живой от меня не уйдет. Да уж, давал я себе волюшку в былые времена! Чтобы задобрить меня, люди оставляли мне краюшку ржаного, густо присоленного хлебца, обмылок да ветошку. Вот, – человек помахал тряпицей, – все, что осталось мне от тех незапамятных времен, когда люди банника почитали, боялись, уважали!

– Кого-кого почитали? – все еще всхлипывая, спросил Васька.

– Да меня, кого же еще, – пожал плечами человек. – Неужто не признал, котишко? Банник я здешний.

– Банщик? – растерянно переспросил Васька.

– Банник, глупый ты оборотень! – рассердился человек. – Хозяин местный. Вот это все – мое владение, – он обвел сухонькой рукой неказистое строение. – Конечно, не бог вещь что по сравнению с той избой, что у меня раньше была, – да разве мог я с рыжей ведьмой Марфушкой сладить!.. Не по силам мне это оказалось!

– С какой ведьмой Марфушкой? – удивился Васька. – Я знаю только ведьму Ульяну.

– Ульяна, разрази ее гром небесный, ныне живет и здравствует, а ведьма Марфушка вершила свои черные дела лет полтора назад, – пояснил банник. – А потом, после долгих мучений, преставилась. Померла, стало быть.

– Это Марфа Ибрагимовна – ведьма Марфушка, что ли? – догадался Васька.

– Она самая, – кивнул банник. – Первейшая ведьма была по всей округе! Чего только не вытворяла! Бывало, придет баба утром корову подоить, а у той вымя пустое, ни капли молока не выцедишь. А почему? Потому что Марфушка рыжей кошкой ночью скинется, в коровник заберется, к вымени присосется да все молочко до последней капельки и выцедит. Или по истой злобе перевяжет вымя своим рыжим волоском – и корова доиться вовсе перестанет. Еще она большой мастерицей была заломы на полях делать. Слышал, что такое залом?

Васька помотал головой.

– Залом заломать – это вернейший способ урожай загубить на корню, привести крестьянское хозяйство в полное сокрушение, – словоохотливо начал объяснять банник.

Судя по всему, он давным-давно ни с кем не разговаривал и теперь радовался случаю хоть с каким-то случайно забредшим котом-оборотнем пообщаться:

– Выйдет, бывало, ведьма в поле на вечерней заре – и начнет колосья в узлы связывать. И творит она сие лихое дело благодаря своей колдовской силе с такой быстротой, что за ночь успеет два, а то и три поля испоганить. От залома колосья мигом гниют. Придет хозяин утром урожай собирать, а тот наполовину погублен. А сколько народу она испортила! Кому хомут наденет, на кого порчу наведет, кого сглазит, а то и попросту напакостит: скажем, спит человек с разинутым ртом – так Марфушка заговором змею приманит и в рот ему запустит. Змея свернется у него в желудке да и живет там поживает. Страдальцу и невдомек, что за хворь на него напала, отчего его и тошнит, и мутит, и жизнь не мила... А уж меня-то она как злодейски изурочила!

Банник тяжело вздохнул и так сокрушенно закачал головой, что шапка сползла ему на глаза. Пока он ее поправлял, в торопливом рассказе его возникла пауза, в которую Васька немедленно встрял с вопросом:

– Что такое «изурочить»? И этот... «хомут надеть»?

– Да то же, что испортить, хворь навести или невзгону какую сокрушительную, – последовал ответ. – Тебя, вишь ты, невольным оборотнем сделала.

– Невольным оборотнем? – пробормотал Васька.

– Ну да! Нешто ты по своей воле котом обернулся?!

Васька только вздохнул:

– Какое там...

– То-то и оно, – понятно кивнул банник. – Ежели кто сам оборотнем становится, он веселится да радуется, а ты мне, вишь, слезами всю баньку залил. Я и сам сколько пролил слез, когда Марфушка меня сюда определила!..

– А вы раньше в другой бане обитали? – спросил Васька.

Не то чтобы его это очень уж волновало, но как-то неловко стало не спросить. Этот банник так ему сочувствует – элементарная вежливость требует проявить хотя бы небольшой интерес к его проблемам!

– Раньше? – горько усмехнулся банник. – Ты что ж, думаешь, я этакой нечистой силой и родился? Нет! Раньше, брат ты мой, был и я человеком, да не простым – был я знаменитым знахарем! Лечил людей травами и добрыми заговорами. А главное – с ведьмой противоборствовал. Что она испакостит – я приду и поправлю. На всякое Марфушкино злодейство находилось у меня добродейство. Ну и, сам понимаешь, она меня возненавидела – да и извела. Что самое обидное – моим собственным заговором извела!

– Это как? – спросил Васька – теперь отнюдь не из вежливости, а с искренним любопытством.

– Да так, – вздохнул банник уныло. – На Проклов день, двадцатого, стало быть, ноября², знахари извеку проклинаят скрывающуюся в подземных недрах нечисть лукавую – чтобы не выходила она из своих нор, чтобы не мучила жизнь человеческую. А такое наиважнейшее заклятие только тогда действительно, когда оно без ошибки произнесено, громко и четко. Для этого нужно, чтобы знахарь был разумом крепок и светел и чтобы у него все зубы были целы. И вот на Проклов день, рано поутру, еще затемно, поднялась она на Гадючью горку, что на север от нашего села, плюнула на все четыре стороны, встала по ветру и молвила злое слово. А я в тот час из дому вышел, чтобы нечисть заклинать. Ну и вдохнул Марфушкино ведьмовское слово вместе с ветром...

Видимо, банник устал с непривычки так много говорить, а может быть, печальные воспоминания его слишком расстроили, потому что голос его сделался еще более надтреснутым, он закашлялся и, прервав рассказ, пошел к кадке с водой.

Ухватился за край, подтянулся, наклонился, начал пить, да вдруг его потянуло вниз! Он перевесился, смешно дрыгая ногами, да так и канул бы в кадку, когда бы Васька не вцепился передними лапками в его босые пятки и не потянул.

Банник встал на ноги – с него ручьем лило!

– Сколько раз тебе говорено, Кузьмич, – сказал сердито, постучав себя по лбу, – не пей нападкой³ – подтолкнет черт лопаткой! Так и вышло. А тебе спасибо, брат! – обратился он к Ваське прочувствованно. – Еще не хватало – баннику в собственной бане утонуть! Спас ты меня. Я тебе добром за добро отплачу, даже не сомневайся. Ну, будем, что ли, знакомыми да друзьями?

И протянул Ваське маленькую сморщенную мокрую ладошку:

– Кузьмичом меня прежде звали, покуда знахарем да человеком был. Так и зови!

– Васька, – представился тот и подал правую лапку.

Банник Кузьмич осторожно потряс ее, а потом встряхнулся всем телом – и снова сделался сухим. Только из-под шапки самую чуточку подтекало.

– Вы бы шапку сняли да отжали, – посоветовал Васька.

– Нельзя! – Кузьмич значительно поднял палец. – Какой банник без шапки? Позор забываемый, вселенский! Опять же моя шапка не простая: она мне невидимость придает.

– Какая же это невидимость?! – изумился Васька. – Я вас отлично вижу.

– А то как же! Теперь меня увидеть могут только коты, оборотни, ведьмы да такие же нечистики, как я, а человек рядом пройдет – и не заметит. Вдобавок я в своей шапке корень дягиля ношу.

– Дягиля? А это что такое? И зачем его корень в шапке носить?

– Дягиль – растение придорожное, а корень его в шапке надо носить, чтобы люди любили.

– Ну и как? – осторожно спросил Васька. – Помогает?

– Да не очень чтобы очень, – тяжело вздохнул банник. – А по правде сказать, и вовсе не помогает. Люди ж меня не видят – как могут полюбить?

«Даже если бы увидели, не полюбили бы!» – сочувственно подумал Васька.

Конечно, первое впечатление банник производил... не лучшее, прямо скажем! Однако сам Васька уже пригляделся к новому знакомцу, привык к его весьма своеобразной внешности, а главное – тот такие интересные вещи рассказывал, что забывалось и о собственных несчастьях, и даже о голоде.

² По старому стилю – 20 ноября, а по новому день святого мученика Прокла отмечается 3 декабря.

³ Нападкой – то есть наклонившись через край ведра, кастрюли или бочки (*старин.*).

– Ну а дальше? – нетерпеливо спросил Васька. – Дальше-то что случилось? После того как вы ведьминское слово вдохнули на Проклов день?

– Ничего хорошего не случилось, – уныло ответил банник. – Немедля зубы у меня заболели и мусть какая-то в голову взошла. Пошел я вдоль деревни и твержу заклятие против нечисти. Только при каждом слове зубы у меня качаются, а иные и выпадают вовсе. И бормочу я чушь какую-то... Мне надо громко сказать: «Проклинаю нечисть зловредную! Изыди, сила злая, не мути крещеный мир, не морочь добрых людей!» А я выпадающими зубами давлюсь и бормочу: «Благословляю нечисть зловредную! Явись, сила злая, мути крещеный мир, морочь добрых людей!»

– Ничего себе! – так и ахнул Васька. – Все наоборот!

– То-то и оно, – всхлипнул банник. – Все наоборот вымолвил, да шепеляво, коряво, беззубо... Тут же этим неправильным заговором меня в дугу согнуло. Ну а святой мученик Прокл, именем коего проклятие произносится, конечно, осерчал люто и крикнул с небес: «Коли так, знахарь Кузьмич, коли призываешь ты на землю нечисть лукавую, быть тебе от века по веку такой же нечистью! Ступай в ближнюю баню да неси там банную службу, покуда тебя кто-нибудь тайным заговором не отчитает!» Крикнул он таковы слова – и немедля поднялся страшный вихрь, закрутило меня, потащило куда-то – ну и приволокло сюда. Ближней-то банька ведьмы Марфушки оказалась! Курам на смех! Хотела она только мне пакость подстроить, а вышло, что заодно и сама себе напакостила. С тех пор ей ход в баню был закрыт. Я б ее насмерть запарил во всяком пару, хоть в первом, хоть в четвертом!

– Да, сложные у вас тут отношения, – пробормотал Васька – и сам себя еле расслышал, так громко забурчало вдруг в животе.

– Извините, – смущенно сказал он. – Это просто от голода. Понимаете, я же не совсем кот, мышей есть не могу...

– Ах же я чудище безмозглое! – воскликнул банник Кузьмич, шлепнув себя ладошкой по лбу, однако угодил по шапке, из которой взвился маленький пыльный смерч. – У меня же гость, а я про угощение позабыл!

Васька наострил уши и невольно облизнулся. Хозяин бани тем временем исчез среди своих веников, пошуршал там – и вынырнул, волоча за собой маленькую корзинку, которую с торжеством поставил перед Васькой:

– Вот! Ешь сколько влезет!

Васька с превеликим энтузиазмом сунулся было в корзинку – и с таким же превеликим разочарованием отвернулся, увидев горку черных, засохших до состояния полной окаменелости кусков хлеба, посыпанных там и сям такой же окаменелой солью, кое-где даже сросшейся кристаллами.

– Спасибо, конечно, – пробормотал он печально. – Но...

И умолк, призадумавшись, как бы повежливей донести до Кузьмича мысль, что угощение его несъедобно.

Может, соврать, что у него тоже проблемы с зубами?..

Однако в это время банник сам заглянул в свою корзинку – и вытаращил глаза.

– Что за напасть? – пробормотал растерянно. – Я ж гостя угощаю, гостя! Слышите, хлеб да соль?! Вы пошто перед гостем в таком виде показываетесь?!

Хлеб да соль, как и следовало ожидать, молчали.

Банник подумал-подумал, а потом вдруг снова шлепнул себя по лбу, то есть по шапке, снова подняв маленький пыльный вихрь.

– Ты, Васька, сам виноват, что еда несъедобна, – сказал он деловито.

«Конечно, – подумал Васька, – конечно, я виноват в том, что не пришел сюда сто или вообще сто пятьдесят лет назад, когда этот хлеб был еще свежим!»

– Ты же ко мне в гости не попросился! – продолжал Кузьмич. – Влетел в дверь без слова приветливого, а надо было сказать: «Хозяинушко-баннушко! Пусти гостевать-ночевать!» И тогда был бы тебе тут и стол, и дом, да еще я бы тебя от всякого лиха оберегал. Знаешь, как-то раз прибрел ко мне ночью один человек, сказал все слова нужные и спать лег вот на этой лавке. А за ним леший гнался. Подбежал к моей двери, ну и говорит как нечистик нечистику: «Пусти меня, банник, хочу я этого человека до смерти замучить!» А я говорю: «Нет, леший, не пушу я тебя и замучить человека не дам, потому что он у меня *просился!*»

– И что? – с любопытством спросил Васька.

– Да что ж? – пожал банник худенькими плечиками. – Проспал человек всю ночь спокойно и ушел путем-дорогою. Может статься, леший его потом настигнул, однако это уже не в баньке было! Так что, брат ты мой, коли хочешь яств и питья моего отведавать, выйди-ка за дверь, постучи три раза и попросись по-людски.

– Хм! – не без иронии фыркнул Васька, однако спорить не стал, а послушно выкатился за порожек.

Гроза, оказывается, давно утихла. Темные облака еще заволакивали небо, но лучи заходящего солнца делали их не страшными, а почти красивыми.

Васька опасливо покосился в сторону избушки Марфы Ибрагимовны, иначе говоря ведьмы Марфушки, и уже приготовился постучать трижды и произнести нужные слова, чтобы напроситься в гости к баннику, как вдруг увидел, что из трубы ведьминой избы вырвался клуб черного, пронизанного искрами дыма, более похожего не на обычный печной дым, а на ту ужасную тьму, в которую облакалась Ульяна.

Тьма взвилась было к небесам, однако, словно спохватившись, опустилась и начала стелиться над избушкой, двором и даже потянулась к огороду.

«Она меня ищет!» – понял Васька.

Медлить было нельзя.

– Хозяинушко-баннушко! Пусти гостевать-ночевать! – пискнул он и, трижды постучав, ударился всем телом о дверь, чтобы оказаться в укрытии как можно скорей.

Дверь распахнулась, и в нос Ваське ударил умопомрачительный, ни с чем не сравнимый запах только что выпеченного, свежайшего хлеба!

Однако страх оказался сильнее голода: Васька обернулся и приник к дверной щелке, пытаясь разглядеть, улетела Ульяна или все еще реет над огородом в поисках своей жертвы.

– Чего там? – удивился банник.

Проворно подскочил к двери, отодвинул дрожащего Ваську, высунулся – и тотчас отпрянул со словами:

– Ульянка над огородом реет! Ищет кого-то. Уж не тебя ли?

Васька испуганно кивнул. И тотчас спохватился: «Зачем я это сделал? Сейчас он меня выкинет вон. Зачем ему связываться, он и так от ведьм натерпелся, пусть и не от Ульяны, а от Марфы Ибрагимовны, но какая разница, ведьма есть ведьма!»

Однако случилось неожиданное. Банник смело вышел на крыльцо, прикрыв за собой дверь, и вызывающе крикнул:

– Чего тебе возле моей баньки надо, ведьма Ульяна? Сама знаешь – тебе сюда ходу нет, это мои владения!

– Скажи, Кузьмич, – отозвалась Ульяна, – не видел ли ты здесь котикшу? Серенького такого, желтоглазого?

– Никого не видал, – буркнул банник. – Я от грозы прятался, во двор не выглядывал.

– Ну, тогда знай: этот котикша – мой. Он мне нужен! Найдешь – хорошо, тогда мне укажешь, где он. А коли станешь ему помогать – смотри, худо будет!

– Мне? – усмехнулся банник Кузьмич. – Мне – худо? Да куда уж хуже-то, а? Хуже, чем твоя свекровь мне подсудобила, уже не будет, потому что быть не может. Так что не пугай, Ульянка! Сама ищи своего котикшу где хочешь, а ко мне не лезь. Поняла ли?

И он захлопнул дверь с такой силой, что дрожь сотрясла ветхое строение.

Васька с безнадежным видом сидел посреди баньки.

– Не унывай! – ухмыльнулся банник. – Ульяна хоть и превеликая ведьма, а все же не семи пядей во лбу. Да ей и в голову не взбредет, что мы с тобой дружбу свели. Она сама что с чистой силой, что с нечистой на ножах, ну и думает, что среди наших каждый-всякий готов другому горло перегрызть. Ан нет! Я от ведьм столько претерпел, что очень рад буду, если хоть одну из них в дурах оставлю. Конечно, кабы я мог Марфушке пакость какую-нибудь подстроить, было бы вообще расчудесно, но да ладно, и Ульянка сойдет. Поэтому ешь да пей – и ни о чем не тревожься.

И, видя, что Васька все еще пребывает в растерянности, вдруг поклонился ему в пояс и напевным голосом умильно проговорил:

– Милости просим, гость дорогой, к нашему столу да нашей скатерке. Чем богаты, тем и рады!

Потом Кузьмич указал на перевернутую шайку, на которой была раскинута уже знакомая Ваське ветошка, а на ней лежали ломти восхитительного, дышащего свежестью ржаного хлеба и серебрилась горка соли.

Совершенно невозможно было понять, откуда все это взялось! Васька помнил неприглядные каменные сухарики, которые предложил ему банник недавно... Неужто это они так чудесно посвежели только потому, что он, Васька, теперь гость банника?! Впрочем, даже если так, это всего лишь малая малость из тех чудес и приключений, в которые сегодня вдруг, внезапно, неожиданно рухнул Васька Тимофеев. И если он пережил собственное превращение в кота, разлуку с родными, бегство от вороны, общение с говорящим одноглазым портретом, те испытания, которым подвергала его ведьма Ульяна, скачки под молниями, знакомство с банником – то уж превращение сухарей в мягкий хлебушек тоже как-нибудь переживет... вернее, пережует.

Именно этим Васька и занимался в продолжение следующего получаса. А банник Кузьмич сидел на куче старых веников и смотрел на него с таким умилением и гордостью, словно принимал невесть какую важную персону и угощал ее невесть какими роскошными яствами!

Хотя, сказать по правде, ничего вкуснее этого банного хлеба Васька в жизни не ел!

* * *

Ни Тимофееву-старшему, ни жене его в ту ночь не спалось. Они лежали в постели в своей комнате и прислушивались к шуму, который устроил их сын за стеной. Шел уже двенадцатый час, а Васька все возился и возился. Это было на него совершенно не похоже: обычно он в десять вечера уже спал, зато поутру просыпался в половине седьмого. Но сегодня что-то никак не мог утомиться.

Создавалось впечатление, будто сын играет в мяч: швыряет его то в потолок, то в стены, то бьет им об пол. Удары в пол выходили особенно тяжелыми. Еще удивительно, что нижние соседи до сих пор не пришли скандалить! Наверное, с дачного участка не вернулись.

Конечно, самое простое было бы посмотреть, что делает Васька, а потом просто загнать его в постель. В любой другой вечер Тимофеевы так бы и поступили. Но сегодня они почему-то не могли заставить себя пойти к сыну.

Ими овладел какой-то совершенно необъяснимый страх. Понятно, что ужасно глупо родителям бояться собственного ребенка, однако мама Васьки Тимофеева ничего не могла с этим чувством поделать.

– Не пойму, что с ним происходит, – наконец прошептала она. – На кухне я чуть в обморок не упала, когда увидела, как он ест прямо со стола. Вечером не смогла заставить его почистить зубы. А когда напомнила про душ, он только фыркнул и ринулся из ванной бегом. Плюхнулся в постель и притих. Я думала, он заснул, а тут такое началось...

Она задрожала и сжалась под одеялом в испуганный комок.

Тимофеев-старший диву давался, почему этот загадочный страх жены передался ему. В том, что Васька насвинячил на кухне и не захотел мыться перед сном, не было, конечно, ничего хорошего, но и ничего особенно плохого тоже не было. Ну примет душ утром, какие проблемы, а в то, что он вылизывал стол, Тимофеев, если честно, не слишком поверил. Скорее всего, жене это померещилось, а может, просто преувеличивает. Однако буйство в комнате сына прекратить пора, это точно!

Отец поднялся с постели. Потребовалось сделать над собой усилие, чтобы прогнать оцепеняющую жуть, которая вдруг так и вцепилась в него, когда он коснулся босыми ногами пола. Почудилось, будто встал не на приятно прохладный паркет, а на сырую холодную землю, и под ногами вроде бы даже что-то чавкнуло, как бывает, когда наступаешь в грязь.

Тимофеев озадаченно наклонился и всмотрелся в пол.

Ерунда, конечно, паркет и паркет, чему бы там чавкать?!

Он хотел найти тапочки, однако они, как это обычно случается с домашними тапочками, залетели далеко под кровать, и Тимофеев-старший пошел босиком, старательно убеждая себя, что мороз, который пробегает у него по коже, – это самый обычный ночной озноб, а не дрожь необъяснимого страха.

И вот Васькина комната, из-за двери которой по-прежнему доносятся странные удары то в пол, то в потолок, то в стены.

Тимофеев-старший решительно рванул дверь.

Гроза, нагрянувшая под вечер, давно кончилась. Ветер разогнал тучи. В окно светила луна, и отец смог отлично разглядеть сына, одетого в пижаму.

Нет, Васька не играл в мяч. Он прыгал на стены, носился по потолку, а потом увесисто приземлялся на пол и начинал кататься по нему, то сворачиваясь клубком, то выгибая спину.

Это неопишное зрелище заставило Тимофеева-старшего отпрянуть в коридор и в ужасе зажмуриться.

Тотчас все стихло, и когда он решился приоткрыть глаза и снова заглянуть в комнату, он обнаружил, что сын стоит, почесываясь, и насмешливо смотрит на отца нагло блестящими желтыми глазами.

Потом, так же нагло ухмыльнувшись, он пошел к постели и прыгнул на нее, свернувшись клубком поверх одеяла.

– Васька... Васька... – ошеломленно пробормотал отец, однако в ответ услышал только ровное и спокойное дыхание, какое бывает у спящего человека.

Тимофеев потряс головой, не понимая, то ли Васька притворяется, то ли все увиденное ему померещилось.

Проще и спокойнее было считать именно так, поскольку иначе выходило нечто, вовсе ни с чем не сообразное!

Уверив себя, что просто перегрелся сегодня, что из-за грозы начались такие скачки давления, которые помutilи его разум, и вообще нельзя работать в выходные, а надо давать себе полноценный отдых, Тимофеев-старший отступил в коридор, поплотней прикрыв дверь Васькиной комнаты, – и тут ему снова внезапно померещилось, будто он ступает по чему-то мокрому, грязному, чавкающему.

Он нагнулся, пытаясь что-нибудь разглядеть в слабом лунном луче, падающем из двери спальни, – и онемел, увидев, что ноги его по щиколотку утопают в земле. Стремительно выпрямился, решив, что кровь прилила к голове, вот и почудилось невесть что, – однако обнаружил,

что стоит не в коридоре собственной квартиры, а на каком-то странном поле, покрытом холмиками разной высоты и утыканном сломанными деревьями...

То есть это в первую минуту ему так показалось, однако почти сразу глаза привыкли к темноте и Тимофеев понял, что это никакие не деревья, а деревянные кресты.

Кресты, которые ставят на могилах. Эти холмики и есть могилы!

То есть он стоит посреди кладбища, вдобавок прямо на какой-то могиле, и босые ноги его по щиколотку утопают в неприятно пахнущей грязи!

Чудилось, ничего более унылого, чем зрелище этого заброшенного кладбища с раскисшей после недавнего дождя землей, оплывшими могилами и покосившимися крестами, освещенными полной луной, и вообразить невозможно. Тимофееву было до изнеможения тоскливо, но страха он почему-то не чувствовал. Он мимолетно удивился этому и порадовался собственной храбрости, однако тотчас понял, что радовался преждевременно...

За спиной послышалось какое-то движение. Морозом продрало кожу на спине, Тимофеев резко обернулся – и оказался лицом к лицу с высокой женщиной в черном.

– Это только начало, – проговорила незнакомка, глядя в глаза Тимофееву так пристально, что ему показалось, будто этот взгляд проникает в его мозг и производит там некое болезненное разрушительное действие. – Дальше хуже будет. Ты у меня так намучаешься, что света белого не взвидишь! Эй, Петр! – крикнула она вдруг, и, хотя Тимофеева-старшего в самом деле звали Петром, ему показалось, что эта странная женщина окликает не его.

И в самом деле... в самом деле откуда-то издалека донесся стон. Похоже было, что кто-то пытается ответить, но не может прорваться сквозь сон, вечный сон.

Один из крестов – как раз тот, напротив которого стоял Тимофеев! – вдруг дрогнул и накренился еще сильнее. Буквы, давным-давно вырезанные на перекладине, затекшие и побледневшие, внезапно вспыхнули красным пламенем, и в этот краткий миг Тимофеев успел прочесть имя: ПЁТРЪ.

Да-да, именно так, с твердым знаком, как писали в старину!

Потом свечение букв померкло, и женщина сказала ему:

– А теперь возвращайся и жди. Скоро я тебя опять сюда приведу. Когда *он* из могилы выйдет, *ты* вместо него туда сойдешь!

После этих слов незнакомка рухнула наземь, расползлась клочьями черного дыма и исчезла, а Тимофеев-старший обнаружил себя стоящим в коридоре собственной квартиры.

Его качало, ноги подкашивались.

В панике глянул на них. Ноги как ноги, ни следа могильной грязи на них!

Бред, чушь, дурман, морок!

Привалившись к стене, Тимофеев-старший осматривался, понимая, что стал жертвой ужасного кошмара. Наверное, и впрямь расшалилось давление. Завтра надо обязательно сходить в поликлинику. А сейчас поскорей в постель, лечь и уснуть, забыть о том, что померещилось!

Он отклеился от стены, сделал шаг, другой – и замер. При каждом шаге ему слышалось мерзкое чавканье сырой земли и тихий ехидный смешок, словно кто-то напоминал: «Я здесь, я не отстану от тебя... и это тебе не мерещится – это правда!»

* * *

Ночь Васька Тимофеев провел свернувшись клубочком в той же самой гряде березовых веников, где обычно спал банник. На сей раз бывший знахарь Кузьмич уступил гостю обжитое местечко, а сам притулился рядом с давным-давно выставшей каменкой.

Никаких снов о прежней, человеческой, жизни или о маме с папой Васька, к счастью, не видел, не то от них можно было бы с ума сойти. Вообще, как ни странно, проснувшись, он не

хватался за голову этими своими ужасными кошачьими лапами, не рыдал горькими слезами – встал почти спокойным и готовым к действиям по собственному спасению.

Возник один план... правда, весьма сомнительный. Этот план нужно было с кем-то обсудить, но вот беда: обсудить его ни с кем, кроме банника, Васька не мог, а бывший знахарь Кузьмич его намерения ни за что бы не одобрил.

И все же попытаться следовало!

Чтобы набраться решимости, Васька для начала нырнул в ту же кадку, в которую был вчера так бесцеремонно заброшен, хорошенько искупался, вылез, встряхнулся, кое-как обтерся ветошкой, которая в их с банником немудреном обиходе служила и полотенцем, и скатеркой, потом съел кусок по-прежнему волшебного свежего – словно только что из частной пекарни! – хлеба, запил водой и приготовился начинать нелегкий разговор. Однако банник его опередил.

– Слушай, брат ты мой, – сказал он задумчиво, – я тут кое-что надумал... Я ведь не все свои бывшие знахарские премудрости позабыл за те годы, что в нечистиках пребываю. И ночью кое-что вспомнилось... Может быть, удастся тебя обратно в человека превратить! Только ты должен мне точно, точнехонько обскзать, как обернулся котом. Что именно с тобой ведьма сотворила. Прутиком зачарованным или кнутом-самобоем хлестнула? А не то наузы на тебя навязала? Или по имени кликнула? Видишь ли, колдун, зная имя человека, может запросто сделать его оборотнем, а потому имя необходимо утаивать и называться иным, вымышленным...

– Не было ничего такого, – прервал его Васька. – Палкой или кнутом меня никто не бил, по имени не окликал, а насчет науз сказать ничего не могу, потому что не знаю, что это такое.

– Прodelки колдовские да ведьмовские, – с отвращением сморщился Кузьмич. – Чтоб кого-то испортить, нужно взять шерстяную нитку и со злобным заговором навязать на ней восемь двойных узлов. Эту нитку бросают в таком месте, где на нее непременно наступит тот, против кого порча направлена.

– Понятно, – задумчиво кивнул Васька. – Нет, честное слово, никто на меня никаких ниток не навязывал. Этот котенок просто забрался ко мне на колени... и как-то само собой так произошло, что я сделался котенком, а он – мною.

– Еще спасибо скажи, что тебя в рыбу не обратили! – проворчал банник. – А то, знаешь, в проточных водах, а особенно часто в омутах, на глубине, иногда увидишь вдруг рыбу, которая хвостом против течения стоит, а не по воде, как настоящая рыба. Это оборотень, и он раньше тоже человеком был!

– В самом деле, мне еще повезло, – с грустной усмешкой пробормотал Васька. – Не то пришлось бы искать помощи у водяного!

Кузьмич так и передернулся:

– Не знаю я случая, чтоб водяной хоть кому-то помог: он только пакостить да проказить способен. Ладно, домовый поможет, ладно – дворовой, но водяной – никогда! Ну да не о том речь. Что ж за котенок такой был, который тобой запросто обернулся?!

– Ведьма Ульяна говорила, что это ее ученик, – вспомнил Васька. – И она его очень хвалила.

– Ну да, по всему видать, прилежный был ученик, – согласился банник. – Но кто он, природа его какова? Знать бы, двоедушник он, к примеру, или обычный кот, наущенный против человека, или вообще слеппен из могильной земли будто кукла-зловредница?

– А зачем вам знать, кто он такой, этот кот-мальчик? – удивился Васька.

– Брось мне выкать сей же час и немедля! – внезапно рассердился банник. – Терпел я это, терпел, а больше не желаю. Я тебя братом зову, а ты мне выкаешь!

– Извините, я не могу звать вас на «ты», – жалобно ответил Васька. – Ну, это... вы же старше меня... намного... и как-то неуважительно получается... Нет, я не могу, не обижайтесь!

– Конечно, я тебя старше на ого-го сколько, – рассудительно сказал Кузьмич. – Но деду своему ты разве выкал бы?

Васька призадумался.

– Папиного отца я не знал, он умер очень давно, папа еще маленьким был, – наконец проговорил он. – Но когда мой другой дедушка, мамин отец, был еще жив, я его, конечно, на «ты» звал.

– Ну так считай, что я еще один твой дед, – решительно произнес Кузьмич. – Такое запросто могло бы случиться, когда б меня ведьма Марфушка не испортила. Ну так что? Станешь мне дальше выкать или на «ты» перейдем?

– Перейдем, – согласился Васька, не желая обижать банника – своего единственного друга в этом перевернутом мире.

– Ну так переходи! – велел банник. – Скажи: «Зачем, Кузьмич, тебе знать, кто он такой, этот кот-мальчик?»

Васька покорно, хотя и не без запинок, повторил.

– Понимаешь, брат ты мой, – ответил Кузьмич, – знал бы я, кто это чудище – может, смекнул бы, как его осилить. Но как узнать его природу – не ведаю.

При этих словах банник так пригорюнился, что Васька решил открыть ему свой план. Самое подходящее время!

– Я знаю, у кого можно спросить, – осторожно начал он.

– Ага, у ведьмы Ульяны, – ухмыльнулся Кузьмич. – Так она и скажет! Да ты и слова молвить не успеешь, как она тебя прикончит.

– Не прикончит, – качнул головой Васька. – Она сама говорила: «Хотела бы, ох как хотела бы я тебе шею свернуть, да, на беду, сама я тебя убить не могу. Гибель твоя в других руках». Но я не у нее собирался спрашивать.

– А у кого ж тогда?!

– Ну, есть один человек, то есть не совсем человек, а как бы половина... – начал объяснять Васька.

– Не человек, а половина?! – насторожился банник. – Да неужто ты о портрете... неужто ты об Марфушкином портрете речь ведешь?!

Васька робко кивнул, с опаской поглядывая на Кузьмича, почти уверенный, что сейчас тот разъярится настолько, что пойдут Васькины клочки по закоулочкам.

Однако бывший знахарь только сокрушенно покачал головой:

– Нашел подсказчицу! Да ведь Марфушка ведьма еще похлеще Ульяны! Забыл, что она со мной сделала? А от тебя вообще живого места не оставит!

– Да нет, это ты забыл, что она теперь только портрет! – выпалил Васька. – Вдобавок на половинки разрезанный. Когда я пришел, портрет меня жалел, говорил, лучше бы я сюда не являлся... Я так понимаю, у них с Ульяной отношения отвратительные, они друг дружку терпеть не могут. Портрет Ульяне просто подчиняется, подглядывает за моей семьей, а у самого у него жизнь довольно тяжелая: он только и знай слезы льет, аж пол вокруг заплесневел!

Банник довольно захлопал в ладоши:

– Ай да Ульяна! Поделом Марфушке!

– Ну при чем тут Марфушка? – с досадой воскликнул Васька. – Я ж говорю – это только портрет! Той ведьмы, которая вас... то есть тебя, изучиро... ирузочи... то есть которая тебя изурочила, – той ведьмы давным-давно нет в живых! А ее портрет Ульяну ненавидит – значит, возможно, захочет мне помочь.

– Так-то оно так, – пробормотал Кузьмич, – а все ж портрет не чей-нибудь, а Марфушкин! Значит, должен и он быть таким же вредным, какой она была!

Васька утомленно закатил глаза. Конечно, банника понять можно – от этой ведьмы Марфушки он натерпелся выше крыши. И все-таки что-то настойчиво подсказывало Ваське: нужно

подружиться с портретом... ну не подружиться, так хотя бы хорошие отношения установить. Это хоть какой-то шанс выбраться из того ужаса, в который он угодил по милости ведьмы Ульяны и кота-мальчика.

Пусть самый малюсенький, но все-таки шанс!

– Кстати, я давно хотел спросить, – вдруг вспомнил Васька, – а ты не знаешь, откуда вообще этот портрет взялся? Написан масляными красками... как мог оказаться настоящий художник в вашей деревне?

– Художника барин из Нижнего Новгорода привез, – усмехнулся Кузьмич. – Марфушка же красавица была несусветная!

– Да, наверное, – прошептал Васька, вспомнив червонное золото кудрей и зеленый глаз – глубокий, точно омут.

– Красавица, несмотря на то что ведьма, а может, как раз поэтому! – продолжал банник. – Барин наш из-за нее совершенно ума лишился. Хотел Марфушку рядом с собой видеть денно и ночью! Влюбился а нее так, что небось женился бы, кабы не был уже женатым и не имел детей. Тогда он и привез в Змеюкино какого-то знаменитого художника, чтобы тот запечатлел Марфушкину красу на вечное барское любованье.

– А кто разрезал портрет пополам? Ведьма Ульяна? – не унимался Васька, любопытство которого разгоралось все сильнее.

– Вот чего не знаю, того не ведаю, – пожал плечами Кузьмич. – Это небось уже после того случилось, как Марфушка меня сюда определила на вечное жительство. С тех пор только слухи разные до меня доходили. Мол, Марфушкин сын женился на Ульяне и она потом ведьмой стала на смену умершей свекрови, – а как и что было на самом деле, сказать не могу. Одно знаю: от Марфушки добра не жди!

– И все же я попробую, – решительно сказал Васька. – Конечно, плохо мне придется, если Ульяна застанет около портрета...

– Не бойся, не застанет, – буркнул банник. – Я, так и быть, постерегу. Оно, конечно, мне за банный порог ходу нет, но я в дверях стану, в оба уха слушать буду, в оба глаза глядеть. Как зачую Ульянино приближение, сразу знак подам.

– Какой? – с интересом спросил Васька.

– Ну какой-какой... помнишь, как встретил тебя, когда ты первый раз в мои веники зунулся? Годится такой знак?

Васька вспомнил посвист, вполне достойный Соловья-разбойника, Одихмантьева сына, и засмеялся:

– Еще как годится!

Он был страшно рад, что не один, что кто-то поможет ему! И вот он скатился с банного крылечка об одной ступеньке и, помахав на прощанье Кузьмичу, отправился преодолевать сорняковые джунгли.

За ночь они отнюдь не стали проходимей! Трава подсохла только сверху, а у корней по-прежнему было грязно до ужаса, так что, когда Васька выбрался из огорода во двор, вид у него сделался такой, что он приуныл, оглядев себя. Мало того что промок, – вдобавок весь облеплен травой, мелкими листочками, лепестками, семенами...

Встречают, так сказать, по одежке. Применительно к нему – по шерстке. Кота с такой грязной шерсткой нормальные люди в дом не пустят – вышвырнут пинком!

А впрочем, у портрета ног нет, пинаться ему нечем. Кроме того, в избе, где портрет висит, царит такое ужасающее запустение и такая стоит грязь, что Марфе Ибрагимовне самой стыдиться надо, а не других стыдить.

Подбодрив себя таким образом, Васька вскарабкался на знакомое крылечко и прошмыгнул через сени. Его грязная шерсть аж топорщилась от страха, лапки буквально подкашивались, и, добравшись до двери в комнату, он чуть было не повернул обратно.

Очень может быть, что и повернул бы, кабы дверь сама собой не распахнулась гостеприимно и оживленный старушечий голос не позвал:

– А, снова явился наконец! Добро пожаловать, Васька Тимофеев!

Васька перелез через порог, и дверь за ним захлопнулась, как бы отрезая путь к отступлению.

Портрет старой-престарой ведьмы Марфы Ибрагимовны смотрел на него единственным глазом из-под морщинистого века, а половинка рта, еле видная среди трещин, морщилась в улыбке – как показалось Ваське, довольно приветливой.

– Входи, пока черная тварь где-то витает, – снова раздался голос. – Хоть словцом перемолвимся, а то вишу тут, понимаешь ли, в полном одиночестве и страшной скуке! Был раньше домовый, и подполыжник был, и кикимора коклюшками⁴ стучала по ночам... Да только злобная Ульяна всех повыгнала. Ладно, хоть банника Кузьмича не тронула, у которого ты приютился, да ему сюда ходу нет, ему за свой порог выходить не положено...

– А откуда вы знаете, что я у банника приютился? – изумился Васька.

– Да ты на себя посмотри, – хихикнул портрет. – Нешто непонятно, откуда ты по грязи да через травичу выбирался? С огорода, конечно! А в огороде у меня банька стоит, а там известно кто живет – банник!

Васька перестал дышать.

– Да не бойся, – добродушно усмехнулась Марфа Ибрагимовна. – Я тебя Ульяне не выдам. Пускай сама ищет, где ты прячешься. К тому же я рада, что баннику хоть немножко, да повеселей теперь стало. Ведь это же бывший знахарь Кузьмич, мой старинный друг-приятель...

Сладенького ехидства, звучавшего в голосе портрета, Васька вынести не смог!

– Друг-приятель?! – возмущенно вскричал он. – Значит, это вы его банником сделали по дружбе? Ничего себе! Я бы таких друзей и врагу не пожелал! Вы были ведьмой, злой ведьмой...

И тут же прикусил язык.

Как бы Марфа Ибрагимовна не обиделась и не погнала его вон, отказавшись отвечать на вопросы! А еще она, рассердившись, вполне может рассказать Ульяне, где прячется беглый кот-оборотень по имени Васька Тимофеев...

– Зря ты меня коришь! – обиженно крикнул портрет. – У каждого в жизни свое предназначение. Надо ж кому-то и ведьмой быть, не всем в святые подаваться. И солнышко не всегда светит – ночь тоже надобна! На путь свой, роком назначенный, ступив, мы, ведьмы, с него сойти уже не можем, хоть иногда и рады бы. Вот и маемся до смерти, и даже иногда после нее! А тут всякие коты мне в глаза былыми грехами тычут! Ну-ка, пошел отсюда вон сей же миг!

Васька собрал все силы, чтобы не залиться слезами от разочарования. Ну кто его тянул за язык! Хотя как было смолчать, слушая такое наглое вранье?!

Все пропало. А он так надеялся на помощь портрета...

Васька повернулся и убито поплелся к двери, заплетаясь лапкой за лапку, как вдруг Марфа Ибрагимовна сердито воскликнула:

– Куда собрался?! А ну, воротись немедленно! Приходил-то чего ради?

Васька замер, не веря удаче. Потом нерешительно повернул голову и осторожно пробормотал:

– Хотел увидеть маму с папой.

– А зачем? – подозрительно спросила старуха.

– Как зачем?! – изумился Васька. – Соскучился очень. Разве вы не скучали по своим родителям, когда разлучались с ними? Или не разлучались никогда?

⁴ Подполыжник – тот же домовый, только обитающий в подполе крестьянской избы. Вход в горницу, где всем заправляет домовый, подполыжнику строго запрещен. Коклюшки – деревянные палочки для плетения кружев. Считается, что если ночью слышен дробный перестук, то это кикимора (жена домового) коклюшками стучит, плетет паутинные кружева.

– Не только не разлучались, но и не встречались, – буркнула Марфа Ибрагимовна. – Сирота я, не помню ни отца, ни матери, рано померли.

– Ужас какой... – сочувственно шепнул Васька.

– Зато не скучала по ним, не томилась, как ты томишься! – возразила Марфа Ибрагимовна и внезапно брякнула: – Так и быть, покажу тебе дом родной.

Васька, не веря своему счастью, одним прыжком очутился напротив портрета и уставился на него.

– Правый глазок, родименький браток! Покажи левому, что видишь! – прошамкала старуха.

В то же мгновение трещины на портрете разгладились – и дивное лицо золотоволосой красавицы возникло перед Васькой, который не смог сдержать восхищенного вздоха.

Он взглянул в зеленое око – однако ничего в нем не увидел, кроме черного зрачка, в котором сам же и отразился: серый чумазый котик... смотреть тошно!

– Правый глазок! – повторила Марфа Ибрагимовна мелодичным голосом несказанной красавицы. – Сделай милость, покажи, что видишь!

Ничего не изменилось.

Прекрасное зеленое око сердито прищурилось.

– Ну и пакость же моя вторая половина! – пробормотала Марфа Ибрагимовна. – Кажется, вся моя вредность ведьминская в ней собралась с тех самых пор, как барин по портрету ножом полоснул!

Ничего себе... тот же барин, который был в ведьму Марфушку влюблен до одури и заказал художнику ее портрет, – он же его и разрезал?!

Васька чуть не задохнулся от любопытства и только хотел спросить, как и почему могло такое произойти, однако спохватился и прикусил язык.

Потом спросит. Сейчас не стоит отвлекать Марфу Ибрагимовну. Может, ей все-таки удастся договориться со своей второй половиной?

– Правый глазок, а правый глазок! – умоляла Марфа Ибрагимовна. – Ну потешь меня, родименький браток, ну порадууй, а то тоска берет несказанная – на одном месте висеть, в стенку паяться. Я эту стенку уже наизусть знаю, до каждой трещинки! И я одна, вечно одна, ко мне даже таракан запечный не заползет, пауки и те давно сдохли. Тебе-то хорошо – тебя к людям отправили, веселее тебе! Ну покажи, что видишь! Ну сделай милость!

Правому глазу, наверное, стало все-таки жаль левого, пребывающего в тоске-печали, потому что зеленое око Марфы Ибрагимовны вдруг сделалось похожим на глубокий омут.

Васька словно бы нырнул в него – и увидел свою комнату...

Правда, узнал ее не без труда. Это же ужас, во что превратил ее новый обитатель!

На диване громоздится какая-то куча-мала из простыней, подушки, одеяла и всевозможной Васькиной одежды, смятой и даже наизнанку зачем-то вывернутой.

Книги валяются на полу, у некоторых оторваны переплеты.

Васькины грамоты за спортивные достижения и за победы на олимпиадах по русскому языку, раньше висевшие на стенах, теперь изодраны в клочья вместе с обоями.

Клавиатура компьютера покачивается над полом на одном проводе.

Монитор лежит экраном вниз.

Сам процессор, к счастью, коту-мальчику сверзить на пол не удалось: «железо» было тяжелое, старое, заслуженное, в свое время, до появления ноутбуков и планшетов, верой и правдой долго служившее еще отцу, – однако беспроводная мышка загнана в дальний угол. Видимо, с ней поганый захватчик жизни Васьки Тимофеева наигрался вволю!

Ну и куда, интересно, смотрят хозяева этой квартиры?! В смысле взрослые, в смысле родители? Если бы Васька в былые времена позволил себе устроить хотя бы половину этого разгрома, с ним вообще неизвестно что бы сделали! А этому самозванцу, значит, все можно?!

Впрочем, Васька благодаря правому глазу портрета немедленно разглядел, что дома нет ни мамы, ни папы, поэтому сделать неизвестно что с котом-мальчиком просто некому.

А вот и он! Вот и паршивый самозванец!

Кот-мальчик стоял у окна и внимательно туда смотрел.

Под окном находился небольшой пустырь, кое-где заросший травой, а кое-где усыпанный кучами песка. С другой стороны окна выходили в самый обыкновенный двор – уродливую коробку между семиэтажками, заставленную машинами до такой степени, что детская площадка, казалось, испуганно съежилась между ними. На эту горку, в эту песочницу и на эти качели никто никогда не ходил – все играли именно на пустыре. Обычно здесь было полно народу: на продавленных ящиках, принесенных от соседнего магазина, сидели мамочки и присматривали за своей малышкой, копавшейся в песке. На другом конце пустыря мальчишки гоняли мяч или девчонки играли в бадминтон.

Сейчас же на пустыре было и в самом деле пусто, только какая-то девчонка в красном платье сидела на ящиках и что-то такое делала со своими пальцами на руках и на ногах.

Правый глаз портрета, видимо, этим занятием очень заинтересовался, потому что так в девчонку и впялился, и Васька смог разглядеть, что она красит ногти.

Для него в этом занятии не было ровно ничего необычного: его красавица мама очень следила за собой, и этих лаков у нее на особой полочке в ванной стояло флаконов, не соврать, двадцать, а то и больше. Но, понятное дело, коту-мальчику такое занятие оказалось в диковинку, вот он и не сводил глаз с девчонки.

Между прочим, Васька ее узнал. Это была Катька Крылова из шестого «Б». Дура противная... Почему если девчонка хорошенькая, то обязательно дура противная? Кстати, Марфа Ибрагимовна тоже подтверждала это правило. Правда, дурой ее назвать было сложновато, зато противности не оберешься!

С этой Крыловой у Васька вышла дурацкая история. У них была общая дискотека для шестых и седьмых классов. Катю почему-то никто не приглашал. Тогда Ваське жалко ее стало – ну надо же, красотка такая, а у стенки стоит, в то время как самые записные мымыры танцуют! И он взял да и пригласил ее на медляк.

Крылова так на него посмотрела, как будто он был каким-то червячком земляным, честное слово! И захохотала. Тут как раз музыка кончилась, и все, конечно, услышали, как она над Васькой хохочет. А потом вдруг кто-то ка-ак взял его за плечо, ка-ак стиснул! Ваську аж сособочило! Еле-еле смог обернуться – и увидел, что его держит за плечо Борька Стольников из седьмого «А». Это был самый сильный мальчишка во всей школе, штангист, какой-то там призер каких-то чемпионатов: кулаки больше головы, надежда олимпийской сборной и все такое.

– Иди погуляй, Вася, – сказал Борька так ласково, что захотелось заплакать от ужаса. – А то как вмажу – мокрое место останется. Будешь знать, как к моей девочке подходить!

И повел Крылову танцевать. Ваське потом рассказали, что они уже целых две недели *ходят* вместе, а на дискотеках, если Борька отлучится, к примеру, в туалет, Катя будет стоять и ждать, когда он вернется, и никто не осмелится к ней подойти и пригласить. Васька об этом не знал, потому что на Катьку Крылову раньше вообще не обращал внимания. Она ему ничуть не нравилась: ему Зойка Семенова нравилась из его класса!

После этого случая у них с Борькой остались нормальные отношения. Однако Крылова, стоило ей только Ваську увидеть в школьном коридоре или вообще на улице, смотрела на него как на дебила и даже пальцем у виска крутила. Или начинала глупейшим образом ржать, ну вот натурально как лошадь. Или как Порто в старом французском фильме «Три мушкетера», который обожал Тимофеев-старший, а вслед за ним начала обожать вся его семья.

Если бы только девчонки знали, как они сами себе вредят, когда вот так ужасно хохочут!..

Короче, при виде Катьки Крыловой никакой радости Васька не испытал и с удовольствием посмотрел бы на что-нибудь другое, а не на этот маникюрный зал, устроенный на пустыре.

И вдруг Катька бросила свое дурацкое занятие, задрала голову и к чему-то прислушалась.

Тотчас Васька понял, что она слушает кукушку. Кукушку, которая сидит на березе, одиноко растущей в конце пустыря, около кустов.

Небось Крылова считает, сколько лет ей осталось жить.

Ну и дура. Ей сейчас двенадцать, лет шестьдесят-семьдесят точно осталось. Это какая же кукушка столько времени куковать сможет? Да у нее голос пропадет!

Кстати. А откуда взялась кукушка в городе? Заблудилась, что ли? Наверное, сейчас улетит.

В эту минуту кот-мальчик вскочил на подоконник – и прыгнул вниз.

Васька невольно ахнул.

Ничего себе! С пятого этажа вот так сигануть – это же верная смерть! А если он разобьется, куда потом Васька будет возвращаться? В мертвое тело, что ли?!

Однако кот-мальчик не грохнулся на землю, а с необыкновенной ловкостью, мягко, словно невесомый, перепрыгнул на перила балкона четвертого этажа, потом – третьего, второго, потом мягко съехал по застекленной лоджии первого этажа – и на четвереньках, смешно вскидывая обтянутый Васькиными джинсами зад, помчался к березе, умудряясь оставаться незамеченным Катькой. Подскочил к дереву и принялся возиться в траве, зачем-то вытащив из джинсов ремень и обвязывая его вокруг ствола.

– Ну хитрецы, ну мудрецы! – проворчала за Васькиной спиной Марфа Ибрагимовна. – Это ж самый верный способ заставить кукушку подольше куковать. Теперь она не умолкнет, поукада с березы пояс не снимут. И девчонка никуда не отойдет.

«Да зачем ему это?» – только хотел спросить Васька, но кот-мальчик вдруг вскинул голову, смешно подергал носом – и метнулся куда-то в сторону, в заросли травы. Там что-то жалобно пискнуло – и кот-мальчик появился снова. В зубах его что-то висело, какая-то серая веревка.

– Да, кот есть кот, – проворчала Марфа Ибрагимовна. – От себя никуда не денешься!

Кот-мальчик выплюнул веревку, облизнулся – и Ваську чуть не стошнило, когда он понял, что это была не веревка, а хвост. Хвост мыши, которую только что сожрал кот-мальчик!

Но тотчас Васька забыл об этом, увидев, что над деревом мелькнула черная тень большой птицы.

Ворона! Нет, ведьма Ульяна в образе вороны! Неужели кот-мальчик обрек несчастную кукушку ей на съедение?!

Однако он тут же понял, что кукушка Ульяну ничуть не интересуется. Ворона принялась медленно кружиться над пустырем, то спускаясь ниже, то взмывая чуть не под облака, и Ваське чудилось, что она растягивает над Катькой какую-то совершенно прозрачную, возможно даже неразличимую обычным человеческим взглядом, сеть. Но Васька видел, ясно видел, что эта сеть опустилась и накрыла Крылову, а та сидит как ни в чем не бывало.

«Это сеть колдовства! – сообразил он. – Ведьма Ульяна колдует!»

Наконец ворона с удовлетворенным карканьем-хохотом взмыла в вышину, а кот-мальчик сдернул с березы ремень и выпрямился, вдевая его в джинсы.

Кукушка мигом умолкла, словно перепугавшись, и Васька ее понимал! Было чего перепугаться!

– Тимофеев? – воскликнула в эту минуту Катька Крылова, взглянув на кота-мальчика. – Ты что здесь делаешь? Подглядываешь за мной?! Нахал, вот я Борьке скажу!

И она открыла рот, видимо собираясь захохотать как Портос или заржать как лошадь, но кот-мальчик озабоченно сказал:

– Ты что-то заигралась, рыжая козочка. Хватит, хватит! В стадо пора!

Катька онемела... Потом она закачалась, словно потеряв равновесие, рухнула в траву, завозилась в ней, пытаясь подняться... А когда наконец поднялась, на пустыре топталась уже не девчонка, а небольшая козочка. Рыжая козочка с красной ленточкой на шее!

– Ну и сильна же Ульяна! – буркнула за Васькиной спиной Марфа Ибрагимовна то ли с восхищением, то ли с отвращением.

Кот-мальчик крикнул с хриплым свирепым подмяукиванием:

– В стадо пошла! Кому говорено!

Перепуганная Катька Крылова – нет, рыжая козочка! – опрометью бросилась с пустыря. Над ней в вышине кружила ворона, изредка испуская свое насмешливое, злобное, издевательское карканье.

А пустырь, дерево и кота-мальчика заволокла дымка, которая становилась все плотней и плотней, темней и темней, пока Васька не осознал, что смотрит в глаз портрета, покрытого трещинами.

– Что же это такое?! – воскликнул он огорченно. – Почему передача прекратилась?

Тут же спохватился, что вряд ли Марфа Ибрагимовна его поймет, а потому быстренько «перевел» на более доступный портрету язык:

– Почему ваш правый глаз больше ничего не показывает?

– Притомился, поди, – ответила Марфа Ибрагимовна. – А может, сызнава вредничает. Да ладно, и так все ясней ясного. Обернула Ульяна девку козой, так что жди – скоро ее сюда пригонит.

– Как это – пригонит? – изумился Васька. – По городским улицам?! Да там знаете какое движение?! Машины в обе стороны шныряют, то и дело пробки... а люди?! Люди же кругом! Вы что думаете, они будут спокойно смотреть, как по улицам коза бежит?

– Угомонись, – посоветовал портрет. – Никто и не заметит ничего. Ульяна так обморочить может, что честному народу покажется, будто это не коза бежит, а ветер мусор гонит. Так что будет она теперь до скончания века на Ульяну работать – белену топтать, беленное масло выжимать.

– Что? – не поверил ушам Васька. – Какое еще масло? Зачем?!

– От натирания беленым маслом ведьма может летать по воздуху, – сообщила Марфа Ибрагимовна. – А выдавить его из белены может только коза, да не простая, а превращенная ведьмой и василиском.

– Василиском?! – повторил Васька, у которого перед глазами вмиг возник ужасный-преужасный змей из «Гарри Поттера». – Что-то я там никакого василиска не видел...

– Как не видел? – хмыкнул портрет. – Да ты на него только что смотрел, и не в первый раз. Котишка-то наш, который тобой скинулся, – он, по-твоему, кто? Чистый василиск и есть.

– Кот-мальчик – это василиск?! – воскликнул Васька. И на миг онемел: вспомнил, как ведьма Ульяна ему насмешливо сказала: «Ты Васька, и он котом Васькой был! Думаю, уж достаточно долго!»

Вот что она имела в виду: что кот-мальчик – василиск, который в кота просто превратился. И уже достаточно давно. Привыкал быть котом, наверное... Василий, Васька, василиск... какое жуткое совпадение имен! Не иначе, в нем тоже какое-то колдовство кроется. Может быть, если бы Ваську Тимофеева звали, к примеру, Дима или Коля, ничего бы у ведьмы не получилось!

Хотя, с другой стороны, кто их, ведьм, знает!

– Василиск, ну надо же... – растерянно пробормотал Васька. – А я думал, василиск должен быть огромным змеем!

– Совсем даже не обязательно, – возразила Марфа Ибрагимовна. – Вот послушай-ка, я тебе расскажу, кто это такой – подлинный василиск. Раз в сто лет петух снесет яйцо; называ-

ется оно спорышок. На первый взгляд, это так себе – пустая скорлупа, к тому же мягкая, пальцем продавить можно. Однако для знающего человека – настоящее сокровище! Если молодая ведьма пронесит спорышок шесть недель под мышкой, он вывернется наизнанку и оттуда появится василиск – оборотень, в котором живет все ведьмино зло. Он считает ведьму своей мачехой и повелительницей. Все, что она прикажет, василиск исполняет, любой образ, который ей угоден, принимает.

– А как его победить? – жадно спросил Васька. – Волшебным мечом?

– Конечно, – сказала Марфа Ибрагимовна. – Некоторые из василисков имеют тело змеиное или даже драконье, а голову – петушиную. От взгляда этого существа люди умирают на месте! Против них только волшебный меч и поможет. А тот василиск, которого Ульяна вывела, – он попроще. Чтоб его одолеть, надобно, чтобы он обратно в свое яйцо вернулся. В этот самый спорышок. Ну, тут нужно на него быстренько наступить да и раздавить. И все! Кончено дело!

– Так просто? – изумился Васька.

– Просто? – расхохотался портрет. – Да ты сначала заставь его обратно в спорышок вернуться! Это он только по своей воле сделает, ни по чьей другой!

– И все же я не пойму, зачем Ульяна к нам этого василиска отправила, – задумчиво проговорил Васька.

Портрет молчал.

– Марфа Ибрагимовна! – осторожно позвал Васька. – Вы спите?

– Не сплю, – буркнул старушечий голос.

– А почему ничего не отвечаете?

– Не хочу.

– Понятно, – вздохнул Васька. – Вы с Ульяной заодно. Недаром она говорила, что ваш портрет должен мою семью погубить...

– Вранье! – возразила Марфа Ибрагимовна с такой пылкостью, что портрет даже покачнулся на гвозде. – Погубитель семьи твоей – василиск, которого Ульяна к вам в дом заслала.

– Но почему?! – отчаянно вскричал Васька. – Чем мы ее обидели?

– Вы – ничем, – ответил портрет. – За другого платить станете.

– За кого? Что он ей сделал? – снова и снова спрашивал Васька, но бесполезно: Марфа Ибрагимовна молчала, а портрет даже уголком рта не пошевелил.

* * *

– Петр Васильевич, вы идете с нами в кафе?

Тимофеев-старший с трудом покачал тяжелой, словно каменной головой.

Наконец-то! Наконец-то настало время обеденного перерыва! Сейчас все сотрудники уйдут – кроме него. Он воспользуется этим часом, чтобы наконец уснуть! Хоть немного отдохнуть после бессонной ночи и мучительного дня, когда он шагу не мог ступить, чтобы ему не почудилось чавканье могильной земли под ногами. Даже в машине, нажимая на педали, он словно бы слышал этот звук! И в офисе боялся лишний раз отклеиться от стула, и то тряся, вспоминая ужасный сон, то клевал носом.

Спать хотелось нечеловечески! Тимофеев с нетерпением ждал обеденного перерыва, уверяя себя, что стоит ему выспаться – и отвратительный морок ночи рассеется. И наконец хлопнула дверь в последний раз. Он уронил голову на стол, улыбнулся от счастья, что сейчас заснет, и закрыл глаза...

И немедленно перед ним сгустилась ночь, едва рассеиваемая блеклым лунным светом, и возникло то же самое холмистое, утыканное сломанными деревьями поле, которое было вовсе не полем, а кладбищем. Кладбищем с могильными крестами!

И снова ноги Тимофеева утопали в сырой могильной земле, но на сей раз он погрузился глубже – по колени.

Ночной ветер прошумел над ним, взъерошив волосы.

От этого летучего прикосновения по спине прошла такая дрожь, что Тимофеев пошатнулся и чуть не упал.

Легкий ехидный хохоток пронесся над ним вместе с очередным порывом ветра, и теперь Тимофеев ощутил не просто движение холодного воздуха, а прикосновение чьих-то ледяных, леденящих пальцев.

– Эй, Петр! – раздался голос, полный такой ненависти, что Тимофееву стало страшно. Чем он мог вызвать такую злобу, такую ненависть, чем он ее заслужил?!

Внезапно буквы на перекладине того креста, против которого он стоял, вспыхнули красным пламенем, высветив имя: *ПЁТРЪ*. А потом и фамилию: *ТИМОФЕЕВЪ*.

Да-да, именно так, с твердыми знаками, как писали в старину!

Это были его имя и фамилия. А крест?! Тоже его? И его могила?!

Потом свечение букв померкло, крест покачнулся, накренился еще сильнее – и наконец рухнул, разбрызгав могильную грязь. Одна капелька этой грязи попала на лицо Тимофееву, и он ощутил боль как от ожога.

Принялся лихорадочно тереть лицо... и вдруг обнаружил себя сидящим за собственным столом в собственном офисе.

Сон! Опять этот безумный сон!

В голове стучало, звенело на разные голоса, и Тимофеев не сразу понял, что это разрывается его мобильник. На экране высветилась фотография жены, он нажал на кнопку ответа и прохрипел, отчаянно желая услышать ее спокойный голос, который немедленно развеет все его кошмары:

– Аллю! Аллю!

– Эй, Петр! – раздалось в ответ насмешливое. – Жди. Скоро я тебя опять туда отведу. А когда *он* из могилы выйдет, ты вместо него туда сойдешь!

Трубка выпала из рук Тимофеева и свалилась под стол. Он машинально нагнулся поднять ее – и увидел свои ноги. Ботинки и брюки – до колен! – были испачканы в грязи.

В могильной грязи!

Тимофеев потянулся стряхнуть эту жуткую грязь, но в глазах потемнело – и он свалился на пол.

Спустя полчаса Тимофеева нашли вернувшиеся сотрудники. Он был в таком глубоком обмороке, что поначалу даже решили, что Петр Васильевич мертв, однако бригаде «Скорой помощи» все же удалось привести его в сознание. Сначала хотели увезти его в больницу, но он настоял на том, чтобы отправиться домой. Только тогда сотрудники осмелились позвонить его жене.

* * *

Как Васька ни изощрялся с новыми вопросами, портрет по-прежнему молчал. Похоже, оставалось уйти ни с чем. Нет, не совсем ни с чем – все же он узнал, кто такой на самом деле кот-мальчик.

Ну и что толку, что Васька это узнал? Вряд ли Кузьмич найдет средство с ним справиться... Понятно же, что банник, пусть это даже бывший знахарь, слабее василиска и ведьмы Ульяны.

Если Васька сейчас уйдет, сюда еще раз он может и не попасть. Вдруг Ульяна, вернувшись, засядет тут, пока эта несчастная Катька-коза не выжмет столько беленного масла, сколько ей нужно? Может, это вообще до конца лета продлится! Или до зимы! Что ж, Ваське

все это время в оборотнях ходить и ждать, пока кот-мальчик папу с мамой прикончит?! Нет, невозможно! Но как бы разговорить портрет? Какой вопрос задать, чтобы Марфа Ибрагимовна все же захотела на него ответить?..

– Марфа Ибрагимовна, – осторожно начал он, – вы говорили, что барин ваш портрет разрезал. А почему?

Немедленно выяснилось, что он задал именно тот вопрос, который был нужен.

Ох, как оживилось полотно! Как засверкал единственный глаз, в какой улыбке расплылась половинка рта! И голос портрета был уже не прежним, старушечьим, а почти молодым и очень оживленным.

– Барин был у нас, – сообщила Марфа Ибрагимовна гордо. – Совершенно спятил от любви ко мне. Говорил, что краше меня нет никого на свете: ни в странах дальних, ни в городах стольных. И вот однажды привез он из города художника... Барин повесил портрет в самой роскошной горнице в своем доме и любовался им, когда меня рядом не было. Ну а потом... – Марфа Ибрагимовна тоскливо вздохнула. – Потом он прознал о том, кто я такая, и решил, что приворожила я его своей ведьмовской силой.

– А на самом деле? – спросил Васька.

– И в мыслях не было его привораживать! – запальчиво выкрикнула Марфа Ибрагимовна.

– А вы его любили?

– Сначала не любила, – откровенно призналась Марфа Ибрагимовна. – Просто было мне лестно, что сам барин сердце мне под ноги бросил. А потом... потом и я его полюбила, да крепко-накрепко! А тут возьми и случись та беда, несчастье то.

– Какая беда? Какое несчастье?

– Да вот, – с досадой ответила Марфа Ибрагимовна, – пошли мы раз с девками в соседнюю деревню на крестины. А день такой жаркий-прежаркий выдался! Ну, подружка моя, Татьяна, говорит мне: «Марфуша, голубушка, сделай милость, раздобудь молочка холодненького, пить хочется – никакого спасу нет!» А подружки мои знали, что я вещь женка⁵, много чего могу. Правда, никому я в ту пору зла не делала, лишь пользовала болящих разными травами да так, колдовала по малости, безобидно: пропажу какую найти или на святки суженого-ряженого девке в зеркале показать... «Напои, – другие подружки говорят, – нас, Марфуша, не то от жажды пропадем!» А мне и самой пить хотелось отчаянно. Ну, думаю, попытаю свою силу ради подружек! Пошла под ближнюю березу, села у корней да и надоила полную корзинку молочка холодненького.

– Что-что вы сделали? – переспросил ошарашенно Васька.

– Говорю же: с березы молочка надоила в корзинку, – повторила Марфа Ибрагимовна, и уголок ее рта дрогнул.

– А, вы надо мной смеетесь! – облегченно сказал Васька. – Нет, ну правда: откуда в березе молоко, и потом, корзинка – она же плетеная, разве в ней молоко удержится?! Оно же вытечет!

– И в мыслях не было над тобой смеяться, – серьезно сказала Марфа Ибрагимовна. – Все как было, так тебе и говорю. Конечно, простому человеку не понять, как это делается. Да и мне самой, правду сказать, тоже непонятно... Однако же поверь: мне такое сотворить было – что рукой махнуть. Я и сама не ведала, как это делала, а все же делала!

– Фантастика... – задохнулся Васька, глядя на портрет со священным ужасом.

– Ну, – продолжила Марфа Ибрагимовна, – стало быть, надоила я подружкам молока, принесла в корзинке, ни капли не пролив, а того не ведала, что счастье свое расплескала-пролила, что оно все у меня из рук вытекло! Барин-то... он вослед за мной увязался!

– И он увидел?! – с горечью спросил Васька. – Он увидел, как вы доили березу?

⁵ Так в старину называли колдуний и ведьм.

– То-то и оно, – вздохнула Марфа Ибрагимовна. – Вдобавок и люди по злобе да зависти наговорили обо мне всякое. Вот барин наш и поверил, что я ведьма злая, и решил бежать от меня прочь. Воротился домой, сорвал мой портрет со стены, из рамы вытащил – да и полоснул его ножом надвое! Левую половину мне велел отнести: мол, кончено все промеж нас и отрезано! – а правую в чулане бросил. Но того он не ведал, что нож не в портрет, а в сердце мне вонзил!

Марфа Ибрагимовна вздохнула так мучительно, что Ваське показалось, будто из зеленого глаза сейчас хлынут слезы... Но нет, тяжким вздохом обошлось.

– Вот дура я нарисованная, – вдруг сказала Марфа Ибрагимовна со злой усмешкой, – ну кому я все это рассказываю?! Кому душу открываю?! Ты хоть понимаешь, о чем речь-то идет, котик-оборотень, дитя малое, неразумное?! Слово такое – «любовь» – слышал аль нет еще?!

Васька хотел заявить, что он по телевизору столько сериалов посмотрел про любовь, что уже все про нее знает, однако слишком много пришлось бы Марфе Ибрагимовне объяснять и про сериалы, и про телевизор, а потому он просто сказал:

– Мои мама и папа очень любят друг друга. Очень! Жить друг без друга не могут. Так что я про любовь все знаю и понимаю, не сомневайтесь!

– А вот сомневаюсь я, – невесело усмехнулась Марфа Ибрагимовна, – да ничего не поделаешь: кроме тебя, выходит, мне душу-то излить вовсе некому... Ну, словом, томила меня по моему барину тоска тоскучая, в дугу гнула печаль плакучая. Не хотелось мне ведьминым приворотом его возвращать, ведь это не подлинная любовь! Ладно, думаю, раз не нужна я ему такая, какая я есть, пускай сам свое счастье ищет. Но все же очень мне хотелось знать, как он живет, не завел ли себе другую зазнобушку. И тогда пустила я в ход все свои силы недобрые, которые таила до поры до времени, и навела на портрет такие сильные чары, что правая половина, которая в чулане барском валялась, могла все разглядеть, что в доме делается, а я, стоя перед другой половиной и в глаз ее глядя, это увидеть могла как бы воочию.

– То есть это вы сделали одну половинку передатчиком, а другую – приемником? – восхитился Васька и тотчас испуганно пробормотал: – Извините, это я просто так... мысли вслух... не обращайтесь!

– Что сделала, то и сделала, – горестно сказала Марфа Ибрагимовна. – Только счастья мне это не принесло! Всю свою душу я в это волшебство вложила, ни на что ее больше не осталось. Жила как придется... без души! Барин мой вскоре уехал – то ли оттого, что думать обо мне забыл, то ли для того, чтобы верней забыть. А половинка портрета моего так и валялась невесть сколько времени в чулане. Тем временем вышла я замуж, сына родила; потом сын мой на Ульяне женился. Она тоже ведьмой стала... ну и однажды, уже после моей смерти, вызнала у сына моего историю портрета, половину которого в доме увидела. А потом отыскала в заброшенном барском доме вторую половину. И завладела моей душой... Я ведь такую силу портрету придала, что он даже старился со мной вместе. И не будет моя душа знать покоя, пока Ульяна не помрет!

– Но ведь Ульяна, наверное, не бессмертна! – с надеждой воскликнул Васька. – Она тоже когда-нибудь умрет, хоть через сто лет!

– Смерть к ней придет от шестерых братьев 3-3-3... – изрекла Марфа Ибрагимовна – и вдруг умолкла так внезапно, словно ее выключили, только несколько мгновений все еще звучало это «3-3-3», как будто муха зудела.

– Что с вами? – испугался Васька.

Портрет молчал, только рот его мучительно кривился, и прошло не меньше минуты, прежде чем Марфа Ибрагимовна заговорила:

– Ох, беда моя бедучая!

– Вам больно? – сочувственно спросил Васька.

– Проклятие немоты на меня наложено, – страдальческим голосом сообщил портрет. – Как заведу речь о том, что Ульяне повредить может, сразу немею.

– А про каких-таких братьев вы говорили? – робко поинтересовался Васька. – На букву «З»?

Портрет страдальчески искривился:

– Ох, даже не спрашивай ни о чем таком! Ни одного секрета ведьминского я тебе открыть не смогу! Дар речи немедля пропадет!

– Значит, никогда мне не стать человеком, – тоскливо проговорил Васька. – А я так надеялся, что вы мне поможете...

– Правду скажу – рада бы я Ульяне насолить, да слова молвить не смогу. Не веришь? Ну так слушай и смотри. Чтобы тебе снова человеком стать, надо-о-о...

Марфа Ибрагимовна вновь умолкла, а рот на портрете замер чуть приоткрытым. Как произносила она слово «надо», так на букве «О» и онемела.

Некоторое время Васька с испуганным сочувствием наблюдал, как Марфа Ибрагимовна пытается снова заговорить, но удалось это далеко не сразу. Наконец снова раздался ее голос:

– Ну что, видел? Веришь мне?

Васька сокрушенно кивнул, понимая, что последняя надежда рухнула.

Однако окончательно предаться унынию он не успел, потому что вдруг услышал ужасное храпение, хохот, вой и свист – такие громкие, словно бы их издавал не кто иной, как сам Соловей-разбойник, Одихмантьев сын.

Портрет испуганно перекосялся:

– Что это?! Кто это?!

– Это банник мне сигнал подает! – заполошно крикнул Васька. – Ведьма Ульяна приближается! Мне бежать надо, спасибо вам за все!

Он ринулся было в сени, но тут портрет рявкнул командирским голосом:

– Стой!

Васька замер.

– Поздно! – выпалила Марфа Ибрагимовна. – Во дворе тебя черная тварь как раз и прищучит. Вон туда спрячься, в чуланчик... за твоей спиной, глянь, дверца... Да шевелись, не то поздно будет!

Васька в панике оглянулся – и самом деле увидел низенькую дверцу, до такой степени оплетенную паутиной и запорошенную пылью, что без указки он ее и не заметил бы. Ринулся туда.

– Осторожно! – вскричала Марфа Ибрагимовна. – Паутину не разорви, не то Ульяна сразу заметит! Уходи мышинными норками, да не шуми!

– Большое спасибо, Марфа Ибрагимовна! – выпалил Васька и кое-как протиснулся под паутинные кружева, тяжелые от налипшей на них пыли.

Чуть приотворил дверцу, шмыгнул в чуланчик и принялся искать выход на свободу.

Наконец он обнаружил какую-то дырку между земляным полом и стеной – и принялся изо всех сил скрести ее когтями, очень надеясь, что не ошибся и это и есть мышинная норка. Наконец ход расширился, Васька кое-как в него всунулся и пополз вперед, постоянно раскапывая себе дорогу.

Вдруг кто-то жалобно пискнул прямо у него под носом, и Васька увидел, что перед ним копошатся мышата! Крошечные, слепые, наверное только что родившиеся...

Бр-р-р!!!

Почему-то раньше Васька думал, что не боится мышей. Наверное, потому что никогда не сталкивался с ними лицом к лицу! Вернее, мордой к морде...

Хотя чего бояться беспомощной малышни? Они вообще-то даже симпатичные, трогательные такие...

Васька попытался рассмотреть мышат получше и придвинулся к ним поближе, но внезапно кто-то крикнул:

– Не погуби! Не погуби! Деточек не тронь!

Васька осторожно повернул голову и увидел серую мышку, которая сидела на задних лапках, а передние заламывала – как-то совсем по-человечески. Ее глазки-бусинки были выпучены с таким ужасом, что Ваське стало не по себе.

Только сейчас до него дошло, что мышка его до смерти боится! И молит его... молит его не есть ее мышат!

Васька вспомнил серый хвост, свешивающийся изо рта кота-мальчика, и его снова чуть не стошнило.

– Они не в моем вкусе, – буркнул он. – Я тут просто ползу, понимаете? А они на пути лежат! Мешают! Можно их как-то... ну, в сторону... – Он мотнул головой для наглядности. – Подвинуть как-то можно?

У мышки глаза полезли на лоб, и Васька ее вполне понимал. Однако разум у нее все же не отшибло: она быстренько вцепилась в одного мышонка зубами и потащила куда-то в боковой ход. Потом вернулась за другим.

Васька попытался было ускорить процесс и подтолкнуть одного из мышат, но вспомнил, что читал в какой-то книжке: звери могут отвернуться от детенышей, если их трогал человек или даже другой зверь, – и больше не лез не в свое дело, только вздохнул, набираясь терпения.

Наконец процесс эвакуации детенышей закончился. Васька только продолжил было свой путь ползком, как мышка-мать вдруг прибежала снова и пробормотала застенчиво:

– Спасибо тебе, котик-оборотень! Я тебя отблагодарю. Как покличешь: «Мыши серые, полевые-домовые, явитесь на помощь!» – и я тут же явлюсь на подмогу! И не только я, но и все дети мои, мышата.

«Хороша подмога от таких малявок!» – подумал Васька, но все же буркнул довольно унылое «спасибо».

– Не сомневайся, котик-оборотень! – серьезно сказала мышь. – Не только гадючата один за другого стоят, мышата тоже! Правда, гадючата только мстят обидчикам, а мышата и отблагодарить умеют!

– Да я и не сомневаюсь, – небрежно пробормотал Васька.

Мышка блеснула глазками-бусинками и скрылась, а он пополз дальше.

Наконец неудобный путь кончился. Перед глазами промелькнул свет, и Васька рванулся было наружу – да тотчас же и отпрянул, потому что прямо перед носом мелькнуло черное крыло.

Ворона!

На счастье, Ульяна его не замечала, потому что гоняла по двору рыжую козочку. Та со страху и усталости еле держалась на ногах, то и дело спотыкалась, а блеяла так тихо и хрипло, словно сорвала голос.

– Эй, девка глупая, коза неразумная! – каркнула ворона. – А ну ступай вон туда, в баньку, сыщи мне там серого котенка да гони его сюда!

Козочка затопталась на месте, озираясь и явно не представляя себе, что невзрачное строение среди заросшего сорняками огорода – баня. «Может быть, у Крыловых на загородном участке стоит какая-нибудь шикарная сауна? – насмешливо подумал Васька. – Ну что же, сейчас их ждет масса новых впечатлений!

– Сюда, дурища! – злобно каркнула ворона, сделав круг над банькой, а потом спикировала на козу, клювом, крыльями и когтями гоня ее через огород в баньке.

Коза перевалилась через порог, и до Васьки донесся ужасный грохот, топот и шум.

«Банник! Она прогневила банника! Ну, он даст ей дрозда!»

Васька ожидал, что сейчас раздастся уже ему знакомый крик и посвист, от которого коза как сумасшедшая выбежит вон, однако банник почему-то не подавал голоса. Слышен был только шум, поднятый козой, которая разыскивала серого котенка, ну а его в бане, само собой, и в помине не было.

«Почему банник молчит? – встревожился Васька. – Что с ним? Уж не затоптала ли его Катька с перепугу?»

Наконец коза вывалилась вон, отчаянно мемекая и мотая головой, в страхе косясь на ворону, которая по-прежнему кружила над огородом.

– Ну что? – каркнула ведьма Ульяна. – Нашла?

Козочка еще сильнее замотала головой и закричала голосом Катьки Крыловой:

– Нету там никого! Никакого котенка!

– А банника там видела? – каркнула ворона.

– Кого? – испуганно проблеяла коза Катька, и ворона раздраженно махнула крылом:

– Никого! Куда ж они оба подевались?.. Ладно, потом отыщу. А теперь, дура-коза, беги в лесок – белену рвать-топтать!

И она погнала козу через огородную калитку в близко подступивший лес.

* * *

– Я не понимаю, что происходит, – пробормотал Тимофеев-старший. – Такое впечатление, что мне надо к психиатру обратиться. Это просто навязчивая идея какая-то!

Жена тихо плакала, поглаживая его руку.

– А может быть, просто от переутомления? – всхлипнула Вера Сергеевна. – Полежишь дома, в тишине, отдохнешь от проблем...

За стенкой раздался страшный грохот, как будто со стеллажа разом рухнули все книги, а потом послышался дробный перестук, как будто кто-то бегал на четвереньках.

– Да, – уныло шепнул Тимофеев, – наш дом – самое подходящее место для того, чтобы лежать в тишине и отдыхать от проблем!

Жена закрыла глаза руками:

– Я тоже ничего не понимаю! Ни-че-го! Знаешь, что мне сказала Маргарита Дмитриевна? Так звали их соседку с шестого этажа.

– Она сказала, что видела, как Васька спрыгивал по балконам на пустырь и гонял там каких-то коз!

– Каких еще коз?! – рассердился Тимофеев. – Эта Маргарита Дмитриевна вечно наговарит неизвестно чего! Откуда возьмутся козы в центре города?!

– Петя, ты что? – с удивлением посмотрела на него жена. – Козы – это ерунда! Она сказала, что Васька спускался, прыгая по балконам! С пятого этажа!

– Как обезьяна, что ли? – попытался усмехнуться Тимофеев. – Слушай больше Маргариту Дмитриевну!

Жена взглянула на него полными слез глазами:

– Нет, не как обезьяна. Маргарита Дмитриевна сказала: «Прыгал как кот!»

Тимофеев не успел ничего сказать, потому что жена вдруг схватила его за руку.

– Тише! – выдохнула она. – Ты слышишь?!

Из-за стенки доносились какие-то странные звуки, напоминающие громкое мяуканье, которое перемежалось сердитым фырканьем.

– Что такое? – пробормотал Тимофеев. – У нас что, кот завелся?

– Это не кот, – прошептала Вера Сергеевна. – Это наш сын!

* * *

Васька влетел в баньку – да так и замер на пороге. Эта дура Катька Крылова устроила страшный беспорядок!

Кадка была опрокинула, вода вылилась, в лужицах плавала пожухлая листва, оборванная с березовых веников, в которых обычно прятался банник. Колченогая лавка валялась вверх ногами. Голые прутья, оставшиеся от веников, были бесформенной кучей ссыпаны в углу, а несколько нелепо торчали там и сям из щелей, будто их туда нарочно зачем-то воткнули. Перепуганная коза от усердия даже вымела из каменки золу вековой давности!

– Ни-че-го себе! – с ужасом простонал Васька, и вдруг его обуял истинный ужас: а как вообще пережил банник разорение своего жилища? Или... не пережил?.. Что, если он лежит где-нибудь под грудой обломков, умерев от разрыва сердца?!

Васька взвыл:

– Кузьмич! Дедушка! Брат ты мой! Где ты? Отзовись!

Гора березовых прутьев слабо шевельнулась, и оттуда раздалось слабое:

– Тут я! Где ж мне быть?

Васька ринулся вперед и принялся расшвыривать прутья лапками. Наконец они разлетелись в разные стороны, и его радостному взору явился банник Кузьмич: в съехавшей набекрень шапке, в оборванных листьях – злой-презлой, но вполне живой!

– Ах, поганка! Ах, зловредница! – причитал он скрипучим от ненависти голосом. – Не зря вся нечистая сила козье племя терпеть не может! Ну, попадись только мне – я тебя... я тебя...

От возмущения банник не смог продолжать, только потрясал кулачками и топал босыми ножонками.

Но все-таки он был жив – жив! Васька счастливо улыбнулся и невольно вспомнил знаменитый мультик про бременских музыкантов: «Последним выбрался петух – изрядно ошипанный, но непобежденный!»

– Зря ты козу бранишь, – сказал он ласково. – Это ведь была девчонка, которую превратила в козу ведьма Ульяна. Именно она заставила козу твою баню разорить, чтобы меня найти! Так что это все из-за меня случилось. Если тебе охота кого-нибудь поругать, то лучше меня ругай. Кстати, я тебя еще не поблагодарил за твой крик! Ты вовремя сигнал подал, я как раз успел спрятаться.

– Ну хоть на этом спасибо! – буркнул банник, явно отходя и успокаиваясь. – А теперь сказывай поскорей, как да что тебе Марфушка говорила. Обмолвилась хоть словечком тайным?

– Обмолвилась-то обмолвилась, но... – Васька вздохнул. – Есть тут свои сложности, как любит говорить мой папа. Я тебе все расскажу, только давай, может, сначала уберемся тут немного, а? Я тебе помогу!

Мама, конечно, упала бы в обморок от счастья, услышав такое, подумал Васька, но ведь он был перед банником в огромном долгу и навести хотя бы подобие порядка – это самое малое, что он мог сделать.

Однако такой реакции на свое самоотверженное и великодушное предложение Васька не ожидал.

– Да брось ты! – пренебрежительно махнул рукой Кузьмич, выслушав его. – Чего тут наводить-то особо? Тьфу, топ да шлеп!

При этих словах он и в самом деле плюнул на пол, притопнул босой пяткой, хлопнул в сморщенные ладошки – и, к полному ошеломлению Васьки, в баньке воцарился совершенно тот же порядок, какой был утром.

Из разломанных дощечек сложились ведра и скрепились ржавыми ободками. Опрокинутая кадка поднялась, и вся вода каким-то образом снова оказалась в ней. Зола с шуршанием

втянулась в каменку, заставив Ваську расчихаться. Голые прутья оделись ржавыми листиками и сложились горкой в углу... и даже паутина вновь оплела потолок и углы!

– Не слабо! – восхитился Васька. – Вот это, я понимаю, топ да шлеп!

– Плевое дело, я ж тебе говорю! – пожал плечиками банник и нетерпеливо воскликнул: – Да рассказывай же, не томи!

Васька принялся рассказывать. Кузьмич слушал чрезвычайно внимательно, не перебивал, не переспрашивал, только иногда – видимо, от полноты чувств! – всплескивал руками и восклицал:

– Ах, вражья сила, не к ночи будь помянута!

– Как ты думаешь, каких братьев «з-з-з», – Васька постарался как можно точнее изобразить тот звук, который издавал портрет, – имела в виду Марфа Ибрагимовна?

– Да бес их знает! – пожал плечами банник. – З-з... Здешних? Нет, у Ульяны братьев вроде не было... Знатных? Знаменитых? Здоровых?

– Злобных? – подхватил Васька. – Злющих? Зловредных?

– Знающих? – предположил Кузьмич. – Заветных? Закадычных? Замурзанных? Забывчивых?

– Заграничных? – тяжело вздохнул Васька, вспомнив, как они всей семьей ездили прошлым летом в Болгарию на Златы Пясы. – Золотых? Знойных? Загорелых?

– Залётных? – выпалил банник. – Земляных? Зимних? Заурядных?

– Заразных? – из последних сил напрягся Васька. – Знакомых? Занудных? Зеркальных? Закопченных? Все, я больше не знаю слов на «З»! А, вот еще – зомбированных!

Банник Кузьмич глянул на него дикими глазами и зачастил:

– Заколдованных? Зубастых? Завистливых? Занятых? Занятных? Зорких? Злопамятных? Замечательных? Загадочных?

Тут Кузьмич умолк. Видимо, и он выдохся!

– Это сто пудов они будут замечательные, если расправятся с Ульяной! – согласился Васька. – И они, конечно, должны быть заколдованные – в смысле колдуны, только посильней, чем она. И, наверное, не забывчивыми, а злопамятными, если захотят свести с ней счеты... Но пока полнейшая засада, что же именно хотела сказать Марфа Ибрагимовна!

– Занимательные загадки запросто загадывать до завтра зазря, – согласно кивнул банник. – Заветная задача – заставить заговорить замороженно замолчавшую Марфушку и замыслы зверообразной Ульяны зашибить!

– Стоп, стоп, Кузьмич! – крикнул Васька. – Хватит! Мы сейчас от этих з-з-з свихнемся! Замолчи!

– Замолкаю, – кивнул банник и в самом деле умолк, но ненадолго: – Засим заговорю заново: знаю заветный затейливый...

– Перестань! – снова крикнул Васька. – Хватит! В ушах з-з-звонит!

Кузьмич зажал ладошками рот и посидел так несколько мгновений, потом начал:

– Знаю заветный...

Васька покосился сурово, но банник упрямо повторил:

– Знаю заветный способ, как самого неразговорчивого человека разговорить.

– Ну и как же? – насторожился Васька.

– Вообще таких способов два, – словоохотливо начал бывший знахарь. – Первый таков. Нужно скрытному человеку незаметно положить за пазуху язык собаки и хвост сороки.

– Ты серьезно? – спросил Васька недоверчиво.

– Серьезней некуда! – кивнул банник.

– Ты за пазуху портрету каким образом что-то положишь? – не без ехидства спросил Васька. – К тому же кто, предполагается, будет отрезать у собаки язык, а у сороки хвост? Я, что ли? Ну нет! Этот вариант отпадает! Говори, какой второй способ.

– Ну, это значительно проще, – заявил Кузьмич. – Вырывают из головы какой-нибудь свахи три седых волоса и цепляют их на одежду тому, кого разговорить желают.

– В самом деле проще простого, – горестно улыбнулся Васька. – Осталось сваху найти и три волоса у нее выдрать.

– Да чего ее искать? – пожал плечами банник. – Сваха знатная Аграфена Никитична в деревне живет, возле этого, как его звать-то... возле гамазина, где хлебом торгуют.

– Ну хорошо, а как ты предлагаешь свахины волосы добыть? – недоверчиво спросил Васька.

– Нам ее банник поможет, – усмехнулся Кузьмич.

– У нее собственный банник есть?! – поразился Васька.

– Вот же дитячко малое, неразумное! – снисходительно взглянул на него Кузьмич. – У всякого человека своя банька имеется, ну а в баньке кто живет? Банник! Ты что же думаешь, я один на свете? Нет, брат ты мой, в какую баньку ни загляни – моих родичей увидишь... конечно, если они соблаговолят тебе показаться. Само собой, они банники природные, от века, еще с тех времен, как Михаил-архангел сверзил воинство врага человеческого с небес. Черти тогда упали кто куда: иные в реки – и сделались водяными, иные в дома – стали домовыми, иные в болота и леса – там завелись болотники и лешие... а иные в бани угодили – ну и повелись с тех пор банники.

– Так, понятно! – оживился Васька. – Так что ты предлагаешь? Чтобы я сбежал к тому баннику и попросил его...

– Ну, глупости, он тебя и слушать не станет, – отмахнулся Кузьмич. – Мне самому его просить нужно. Самолично!

– погоди, ты же вроде говорил, что тебе за порог ходу нет... – удивился Васька.

– Это правда, – кивнул банник. – Выйти не могу, а выехать – запросто.

– В чем же? – изумился Васька.

– В старом лапте, чудило! – засмеялся бывший знахарь. – Известно издревле – коли надо тараканов или, к примеру, нечисть с места на места перенести, ищи для этого старый лапоть. Вот и у меня он припасен.

С этими словами банник нырнул под каменку и вскоре выбрался оттуда, волоча какую-то смешную тапочку, сплетенную из серых пыльных полосочек. К заднику был привязан огрызок веревочки.

– Так вот он какой – настоящий лапоть! – почтительно пробормотал Васька. – А как он тебя повезет?

– Что ж тебе лапоть – сани-самоходы? – сердито глянул на него Кузьмич. – Сам он никого повезти никуда не может – ты меня повезешь. Возьмешь зубами вон за оборку, – он показал на веревочку, – и потянешь меня куда надобно. А не хочешь зубами, так я живенько упряжь смастерю!

Васька тяжело вздохнул, представив себя в упряжи, и покачал головой:

– Нет, я лучше зубами. Только скажи, куда ехать.

– Ты знай вези! – оживился банник. – А с дороги как-нибудь не собьемся!

Он подтолкнул лапоть к порогу и резво вскочил к нему, мгновенно уменьшившись в размерах так, что ему удалось забиться в самый носок. И если бы Ваське навстречу попался какой-то человек, он бы увидел только котенка, который зачем-то тащит старый-престарый лапоть.

Картина, конечно, забавная, но особого внимания не привлекающая. Мало ли что бывает на свете!

Лапоть был очень легким, да и банник, конечно, веса не прибавлял, но уж больно неудобно оказалось его волочь!

С Васьки семь потов сошло, пока он выбрался из баньки и тайной окружной тропкой перебрался через огород! Кузьмич велел идти до «гамазина» рощицей – так, дескать, короче, – однако и этот путь показался Ваське невообразимо длинным!

– Правей бери, – бубнил над ухом банник, – а теперь левей. Прямо, прямо... осторожней, кочки! Гляди, лошадушко, куда скачешь, как бы седока не потерял!

Ишь ты, он еще и шутки шутит! Сам бы попробовал!

У Васьки жутко разболелись зубы, но он не разжимал их ни на мгновение, не желая медлить на пути к спасению.

И вдруг...

– Делать нечего, что ли? – раздался рядом противный визгливый голос.

Васька поднял голову и обнаружил, что находится посреди какой-то полянки, на которой трава частью вырвана и сложена в кучу.

На этой куче топталась рыжая козочка. Катька Крылова!

– Тапку рваную таскает, – проворчала она. – Ненормальный кот какой-то!

Васька не выдержал.

– Сама ты ненормальная, – сердито сказал он. – А я такой же кот, как ты – коза! И это никакая не тапка, а лапоть, чтоб ты знала!

* * *

Тимофеев-старший лежал и смотрел в окно. В окне виднелось темное ночное небо, где слабо светила луна.

«Что происходит? – думал он. – Что происходит со мной и с моим сыном? Почему мы боимся зайти к нему в комнату, когда начинается это котопредставление? Что с нами вдруг случилось? С чего все это началось?»

Жена, прежде чем уснуть, сказала:

– Нас всех как будто прокляли с той минуты, как Васька выбросил из машины этого котенка!

– Хватит глупости говорить, – буркнул Тимофеев. – Спи, утро вечера мудренее!

И вот жена уснула, а он лежал и смотрел на луну.

Шторы Тимофеев нарочно не задернул. В темноте сразу захочется спать. А вдруг снова приснится кладбище? Надо дождаться, когда начнет рассветать, и только тогда уснуть.

Хотя вчера, когда он уснул на работе, стало ясно, что солнечный свет – никакая не помеха кошмару.

Кошмару, который закончится тем, что он, Петр Тимофеев, сойдет в могилу другого Петра Тимофеева! А что будет делать тот, кто освободит ему место?

– Он придет в твой дом и будет здесь гнить заживо, – раздался чуть слышный шепот.

Тимофеев резко сел.

Что значат эти слова? Кто их произнес? Или он все-таки уснул и во сне снова появилась она, та женщина с глазами темными, словно разверстая могила, и предрекла такую жуть?

Но почему он не оказался снова на кладбище, если уснул? И этот голос – женский голос! – не был голосом черноглазой ведьмы. И он звучал не во сне, а наяву, Тимофеев в этом уверен!

Эхо голоса, чудилось, все еще витало в комнате. Нервы Тимофеева были так напряжены, что он словно бы видел некий звуковой след, видел некое мерцание, реявшее в воздухе! И вот он встал, и пошел по этому следу, стараясь двигаться неслышно – особенно когда миновал Васькину дверь! – и наконец смутное мерцание привело его в коридор – и померкло перед дверью кладовки.

Тимофеев постоял, прислушиваясь и убеждая себя в том, что у него просто мутится в голове, звенит в ушах и все такое, а за дверью кладовки ничего нет и быть не может, кроме

какого-то старья. Но все же он наведаясь на кухню и взял там маленький топорик для рубки мяса.

Это было смешно и глупо, однако он почувствовал себя гораздо спокойнее, как всякий человек, у которого появилось оружие – средство защиты.

С этим топориком Тимофеев вернулся к кладовке и распахнул дверь, только в последнее мгновение спохватившись, что следовало бы взять фонарик: в кладовке не было света.

Но, как ни странно, он отлично разглядел лежащий на груди всякого хлама лист бумаги, свернутый в трубку. Казалось, бумага светится изнутри!

А ведь это никакая не бумага, вдруг сообразил Тимофеев. Это старый холст: загадочная половинка портрета, который прислала ему какая-то В. У. Угрюмова вместе с завещанием прабабки – Марфы Ибрагимовны Угрюмовой.

Тимофеев мгновение смотрел на холст, а потом вдруг решился – и, прижав к себе топорик локтем, развернул холст.

И чуть не выронил, ужаснувшись: половинка лица на портрете ожила!

Похоже, портрету что-то страшно не нравится – так морщился лоб, сходилась к переносице единственная бровь, так кривился и сжимался рот, словно бы пытаясь удержать рвущиеся из него слова:

– Поговори с Петром! Не сдавайся, не трусь, а то ведьма Ульяна всю твою семью под корень изведет! Дер...

Было похоже, что портрет собирался сказать «Держись!», однако в этот миг топорик выскользнул из-под локтя Тимофеева и с грохотом упал на пол.

Голос смолк, будто обрубил его, и холст перестал светиться.

Несколько мгновений Тимофеев еще ждал, не оживет ли портрет вновь, однако теперь он снова стал старым-престарым потрескавшимся полотном.

Тимофеев свернул его, положил на прежнее место, ощупью нашел на полу топорик и запер дверь кладовой. Пошел на кухню, положил топорик на место, а потом сел на табурет, скрестил руки на столе, склонил на них голову и закрыл глаза.

Он знал, что сейчас уснет, но не хотел возвращаться в спальню.

Боялся, что начнет кричать от страха и перепугает жену. А ей и так тяжело, бедной. Муж стал каким-то припадочным, сын... с сыном вообще невесть что творится!

Несколько мгновений Тимофеев ждал, когда явится сон, чтобы встретить его с достоинством, не трясясь от страха, но кошмар навалился внезапно, будто кто-то набросил на голову черное одеяло и начал душить. Ноги вмиг заледенели, и Тимофеев, еще ничего не видя, понял, что снова стоит на кладбище, провалившись в могильную землю.

* * *

Вполне можно было ожидать, что бывшая Катька Крылова, услышав Васькин голос, шлепнется в обморок с перепугу! Однако она только подскочила метра на полтора, потом кое-как утвердилась на разъезжавшихся копытцах и проблеяла слабым голосишком:

– Кто это? Кто?! Почему ты говоришь человеческим голосом?! Ты оборотень?!

– Да ведь ты и сама оборотень, – возразил Васька. – Тебя ворона – на самом деле это ведьма Ульяна – и василиск в козу превратили.

– Василиск?! – Узкие зеленые козы глаза стали круглыми от удивления. – Врешь ты все. Видел бы василиска – уже умер бы сто раз!

– Здесь другие василиски, не такие, как в Хогвартсе, – пояснил Васька.

– Откуда ты про Хогвартс знаешь? – насторожилась Катька. – Про Гарри Поттера читал?

– И читал, и кино смотрел, – кивнул Васька.

– Погоди-ка... – вдруг насторожилась Катька Крылова. – Я твой голос раньше слышала. Ты в нашей школе учился? В четырнадцатой?

– Ага, – буркнул Васька, решив, что запыряться нет смысла. – Учился. В седьмой перешел, как и ты. Я Василий Тимофеев.

– Тимофеев?! – возопила Катька. – Значит, ты это нарочно подстроил? Хотел мне отомстить, что я тогда с тобой танцевать не пошла?!

– И себе я тоже подстроил – котенком стал? – невесело усмехнулся Васька. – Нет, это все ведьма подстроила!

– Ну, надо еще выяснить, почему она с тобой так поступила! – заносчиво сказала Крылова. – Ты ведьме, наверное, что-то сделал... какую-то гадость... Не просто же так она тебя превратила!

– А тебя просто так? – фыркнул Васька. – Ты же просто так сидела на пустыре и ногти мазала этой своей разноцветной вонючкой, а ведьма тебя взяла и превратила в козу!

– Откуда ты знаешь, чем я занималась? – закричала Катька.

– Знаю, – вздохнул Васька. – Видел...

– То есть ты очень радовался, когда видел, как меня в козу превращают? – так и взвилась Крылова.

– Да я тебя вообще с удовольствием никогда бы не видел, – нелюбезно ответил Васька, которому чертовски надоело быть джентльменом. – Ни в образе козы, ни в человеческом.

– А ты так даже не смог в хорошенького котенка превратиться! – завопила оскорбленная Крылова. – Был уродом – уродом и остался!

– Да много ты в котях понимаешь! – раздался вдруг из лаптя возмущенный голос. – Молчи лучше, коза рыжая! У тебя вон борода и рожки, а туда же – моего друга забижаешь!

Васька думал, Катька Крылова со страху в обморок упадет, но она не испугалась, а презрительно спросила:

– Скажи мне, кто твой друг – и я скажу тебе, кто ты! Если ты, Тимофеев, дружишь с лаптем, значит, ты и сам лапоть. Впрочем, я это всегда говорила.

– Сама ты лапоть, Крылова, – сказал Васька. – В этом лапте спрятан банник, он и есть мой друг. Он хочет помочь мне превратиться обратно в человека.

– А кто такой банник? – настороженно спросила Катька Крылова.

– Тот, кто в бане живет, неужели непонятно? – ухмыльнулся Васька. – Вон в той! – махнул он лапкой в сторону огорода Марфы Ибрагимовны.

– Да я там все обшарила и никого не нашла! – заявила Крылова. – И вообще, банников на свете не бывает!

– А девчонки-козы бывают? – с удовольствием съехидничал Васька.

Довод оказался сокрушительным. Крылова явно призадумалась... Помолчала, а потом нерешительно пробормотала:

– Слушай, Тимофеев... а твой друг может помочь и мне? Ну чтобы я обратно в девочку превратилась?

– Нет!!! – так и взвизгнул возмущенный Кузьмич. – Чтоб я козе помогал?! Да ни в жисть! Ни-ког-да! Тем более такой дурной, которая мало того что все вверх дном в моей баньке перевернула, да еще и друга моего забижает и вообще не верит, что я на свете есть!

– Я верю, что вы есть на свете, – неохотно призналась Катька. – А если вы сердитесь из-за того, что я в бане все разбросала, так я прямо сейчас могу пойти и убраться там как следует. Я даже пол могу помыть! Хотите?

– Охота была бы поглядеть, как же коза копытами пол мыть будет, – хмыкнул Кузьмич, и Васька по голосу понял, что он уже не сердится.

Чувство юмора, так сказать, возобладало над злостью!

– Не переживай, я сам все в порядок привел. Чай, всему научился за ту сотенку с лишком годков, что сам по себе живу. А теперь слушай, коза. Коли хочешь, чтобы я тебе помог, для начала помоги нам с Василием... как тебя по батюшке-то?

– Петрович, – отозвался Васька несколько смущенно – с непривычки зваться «по батюшке».

– Значит, коза, помоги нам с Василием Петровичем! – велел Кузьмич. – Отволоки лапток во-он туда, за дом с железной крышей, к баньке. У меня дело к ее хозяину.

– Там тоже живет банник, – пояснил Васька, – он поможет нам сделать первый шаг к спасению.

– Только первый?! – возмутилась Катька Крылова. – И вообще, как я уйду? Мне же велено беленное масло делать!

– Ну не ходи, – согласился Васька. – Так и будешь всю жизнь его делать. Станешь классным специалистом и со временем начнешь передавать опыт другим козам-оборотням! А Борька найдет себе другую девчонку.

Катька сверкнула глазами, молча сжала веревочки губами и потянула лапоть туда, куда сказал банник.

«Подействовало! – гордо подумал Васька. – А Марфа Ибрагимовна говорила, что я ничего не понимаю в любви!»

И побежал догонять козу.

Вскоре они добрались до баньки. Сразу было видно, что ее построили гораздо позже, чем ту, которая находилась в огорожке Марфы Ибрагимовны, да и пользовались ею не в пример чаще.

– Стой! – скомандовал Кузьмич. – А теперь, коза, подальше отойди. Нечего подслушивать, о чем два банника промеж собой разговаривать будут. И отвернись! На нас глядеть тоже ни к чему!

Катька Крылова с явной неохотой отвернулась и отошла к огородной изгороди.

– Не подглядывает? – озабоченно спросил Кузьмич.

– Не подглядывает! – подтвердил Васька, и только после этого из лаптя высунулась знаменитая шапка-невидимка с упрятым внутри корнем дягиля, а затем выглянул и сам банник.

Он потянулся, распрямляя затекшие ручонки и ножонки, – и вдруг забавно застрекотал.

После мгновения тишины из баньки донесся похожий стрекот.

– Ага! – обрадовался банник. – Дома хозяин! Сейчас выйдет.

– Странно, – удивился Васька, – я думал, ты опять кричать и свистеть начнешь, а ты кузнечиком стрекочешь.

– Не кузнечиком, а сверчком, – поправил Кузьмич. – Мы, банники, друг дружке только так знак подаем, а крик да свист – это лишь для вас, для людей. Чтоб боялись! Но слушай, Васька: ты тоже в сторонку отойди да отвернись, а то как бы тутошний хозяин не осерчал. Может, он кошек не любит!

Васька со вздохом повиновался.

Какое-то время он стоял, уткнувшись в траву и прислушиваясь к торопливому стрекоту – переговорам двух банников, потом Кузьмич окликнул:

– Васька! Иди сюда, брат ты мой!

Васька кинулся обратно к банному крылечку, а за ним понеслась Катька Крылова, вопя:

– Ну как? Ну что? Когда я обратно в девочку превращусь?!

– Тихо! – прикрикнул Кузьмич, уже успевший снова нырнуть в лапоть. – Не все так просто... Слышь, Василий Петрович, неладны наши дела. Сваха-то, оказывается, уже месяц как померла! Диву даюсь, как до меня слухи об этом не дошли?!

– Сва-аха? – протянула Крылова. – А зачем тебе сваха, Тимофеев? Ты что, жениться решил?

И она протяжно заблеяла – видимо, смеялась.

Но Васька не обратил на нее внимания.

– Померла?! – ужаснулся он. – Как же так?!

– Да вот так, – вздохнул банник. – Вся деревня горюет, а пуще того – ее внучка Любаша. Бабка-то обещала ей сосватать хорошего жениха. Девка без ума в королевича влюбилась, ну бабка и посулила, а теперь...

– В королевича влюбилась?! – перебила Катька Крылова. – В принца, значит? И правда, что она без ума. Принцы все уже давно переженились: и Уильям, и Гарри. А дети их еще младенцы. Хотя нет, что я говорю! – возразила она сама себе. – Это только английские переженились, а еще остались холостые: Амедео, принц Бельгии, и Карл Филипп Шведский, и Феликс Люксембургский, и даже Альберт Турн-и-Таксис, он из Германии!

Васька буквально рот разинул, слушая все это. Ну и ну... Значит, правду говорят, будто всякая девчонка мечтает о принце?!

– Нет, этот, в которого Любаша влюбилась, вроде, наш, русский, – возразил банник. – Иваном его зовут. Королевич Иван, значит.

– Иван Королевич?! – изумленно взвизгнула Катька Крылова. – Королевич?! Она в Королевича влюбилась?! В самого Королевича?!

И она вдруг заблеяла, выстукивая ритм копытцами:

– Я от тебя с ума
Сошел на раз!
На два – в любви признался.
На три – отшила ты меня,
Сказала: «Обознался!
Не для тебя, не для тебя
Я здесь одна гуляю.
Вали отсюда, молодой!
Я знать тебя не знаю!»

– Чего это с ней? – испуганно спросил Кузьмич. – Чего это она?!

– Не знаю, – пробормотал Васька, которому тоже стало не по себе. – Типа, поет... Эй, ты чего?!

Катька Крылова перестала топотать и блеять, обернулась к нему и с уничтожающим выражением воскликнула:

– Тимофеев, ты, кажется, еще тупей, чем я думала. Не знать культовую песню «Раз-два – и вся любовь» Ивана Королевича?! Не знать творчество великого певца нашего времени?!

– А ты еще глупей, чем думал я, – огрызнулся Васька, – если называешь этого безголосого великим певцом!

Наконец-то он сообразил, в какого «королевича» влюбилась свахина внучка Любаша! От этого Королевича просто не было спасения. Чудилось, он снимался во всех концертах, ток-шоу, фильмах и рекламных роликах сразу!

– Какая жалость, – вздыхала Васькина мама, в очередной раз щелкая пультом, стоило ей увидеть на экране «великого певца». – Такой красавец, а голоса Бог не дал! Поет будто лягушка квакает! И, видимо, ума тоже нет, если вообще решается петь!

– Красавец?! – начинал возмущаться Тимофеев-старший. – Где ты видишь красавца?! Я и то лучше!

– Лучше, – соглашалась мама. – Ты вообще лучше всех мужчин на свете!

– А ты лучше всех женщин на свете! – восклицал отец.

После этого родители немедленно начинали целоваться, а Васька обижался, раздражался и начинал кричать, что это безобразие – забывать о присутствии собственного сына, который тоже, между прочим, нуждается в поцелуях. Тогда тройственные чмоки затягивались надолго!

Вспомнив это, Васька чуть не разревелся. Вернутся ли замечательные времена семейного счастья? Окажется ли он снова дома? Удастся ли выгнать оттуда паршивого самозванца котамальчика?!

Васька так задумался об этом, что даже не слышал возмущенных воплей Катьки Крыловой.

Наконец баннику надоело их слушать.

– А ну, хватит! – рявкнул он из лаптя так сердито, что коза мигом умолкла. – Надобно не воду в ступе толочь, а думать, как обратно в человека переделаться! Так что тихо! Умокла на раз! И не мешай нам с Василием Петровичем думать!

«Тихо! Чапай думать будет!» – вспомнил Васька любимейший отцовский фильм – и сокрушенно покачал головой, в которую не приходило ни одной толковой мысли.

– А правда, что же нам теперь делать? – спросил уныло. – Как же узнать ведьмины секреты?

– Выход, сдастся мне, один: подслушать их, – решительно сказал Кузьмич. – Не может такого быть, чтобы обе эти пакостницы, Ульяна и ведьма Марфушка, не обсуждали промеж собой свои дела! Значит, надо исхитриться их разговоры подслушать. Незаметно в дом пробраться – и подслушать.

– Но как, как?! – почти в отчаянии спросил Васька. – Мантии-невидимки у нас нет!

Лапоть вдруг содрогнулся, как если бы сидевший в нем Кузьмич радостно подпрыгнул.

– Мантии такой у нас и в самом деле нету, и где ее добыть – не ведаю, – воскликнул он, – а вот шапку-невидимку достать можно.

– Неужели свою дашь? – спросил Васька, затаив дыхание.

– Нет, брат ты мой, прости сердечно, свою отдать никак не могу, – виновато вздохнул банник. – Однако же...

– А что, у вас и правда шапка-невидимка есть? – раздался восторженный голос Катьки Крыловой.

– Есть, как не быть, – буркнул банник, явно недовольный, что его перебили. – Слушай, Васька...

– Да нет, не может такого быть, – не унималась Катька. – И мантия, и шапка-невидимка только в сказках бывают.

– Не только, – ответил Кузьмич. – У каждого нечистика такая шапка имеется. Иначе всякий бы их увидеть мог. А под нашими шапками мы надежно скрыты!

– Банничек, голубчик, – умоляюще воскликнула Катька, – покажитесь нам в своей шапке! Ну пожалуйста!

– Ох и зануда ты, коза, – вздохнул банник. – Чую, не отвяжешься! Ладно, так и быть, гляди!

Лапоть подпрыгнул, потом на нем появилась крохотная фигурка, которая вмиг увеличилась в размерах – и бывший знахарь Кузьмич предстал в своем обычном обличье банника.

– Так вот она какая, шапка-невидимка! – ахнула Катька Крылова, а потом кинулась к баннику и... копытом сшибла с его головы шапку и пинками погнала ее прочь, крича: – Я в этой шапке и сама все ведьминские секреты узнаю! В девочку превращусь, а ты, Тимофеев, сиди тут и в баньке парься!

И вдруг Катька Крылова неуклюже затопталась на месте, озираясь и бестолково размахивая ногами.

Еще бы! Ведь шапка исчезла! Сделалась невидимой! Только какой-то сморщенный корешок свалился на землю. Наверное, это и был тот самый корень дягиля, который носил банник, чтобы его люди любили...

– Где шапка, где? – испуганно завертела головой Катька Крылова. – Куда подевалась?!

– Шапка моя! – отчаянно вскричал банник, хватаясь за лысину. – Где ж она?! Да как же я без нее?! Пропала моя головушка! Теперь меня каждый-всякий увидеть может! А позорище-то какой! Не оберешься позорища!

Его жалобный плачущий голосишко надрывал Ваське сердце! Он кинулся в ту сторону, куда упал корешок дягиля, и принялся шарить в траве. Шапка должна быть где-то здесь! Он перебирал чуть ли не каждую травинку, пытаясь нащупать что-то мягкое, пыльное, незримое...

И вдруг ему это удалось!

Не веря удаче, Васька схватил что-то зубами и бросился к баннику, который безутешно рыдал, уткнувшись в сложенные ковшиком ладошки, и неуклюже нахлобучил ему на голову свою добычу. И тотчас с облегчением перевел дух: он не ошибся! Это в самом деле оказалась шапка банника!

Кузьмич мигом перестал плакать, схватился за нее обеими руками, стащил с головы и принялся разглядывать, словно не веря глазам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.